

Изумрудная для дракона

Саша Бездушная

Саша Бездушная

Изумрудная для дракона

«Литнет»

2026

Бездушная С.

Изумрудная для дракона / С. Бездушная — «Литнет», 2026

Знаете, что самое паршивое в статусе «идеальной невесты»? Не то, что тебя примеряют, как дорогой гардероб. Не то, что за твою утробу торгуются лорды, которым по возрасту положено лежать в фамильном склепе. А то, что ты сама почти поверила, будто ничего другого не заслуживаешь. Меня зовут Эстель Изумрудная. И я — товар. Драконица на выданье, которую отец решил продать самому жуткому лорду в трёх мирах. Рубиновому. Тому самому, чьи предыдущие жёны загадочно скончались, не дожив до годовщины. Моё будущее расписано: свадьба, наследник, медленное угасание в золотой клетке. И никаких вариантов. Пока в мою спальню не вломился вор. Он представился Призраком. Легенда Нижних кварталов. Позор Адамантиевого рода. Наглый, самоуверенный, с чешуёй цвета угля и улыбкой, от которой у любой приличной драконицы подкашиваются колени. Он пришёл украсть артефакт, а случайно украл кое-что посерьёзнее. Нашу общую метку. Которая теперь пульсирует на запястье и орёт на весь мир: «Эти двое созданы друг для друга». Абсурд? Абсурд. Но метка не лжёт. Теперь у меня есть выбор: остаться в замке и стать четвёртой мёртвой женой Рубинового — или бежать с вором в Нижние кварталы, где пахнет отнюдь не розами, а магическая чума косит детей. Я — ледяная принцесса. Он — уголовник. Мы терпеть друг друга не можем (если не считать того, что наши драконы, кажется, уже всё за нас решили). Добро пожаловать в мою жизнь. Она только что стала интересной. Обязательно смотрим видео в буктрейлере или группе вк, для антуража Третья книга цикла «Драконы в Межмирье» 1 книга :2 книга:

© Бездушная С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Изумрудная в клетке	6
Глава 2. Метка	11
Глава 3. Ледяная маска	16
Глава 4. Нежданный гость	19
Глава 5. Спящая кровь	25
Глава 6. Неожиданный поворот	30
Визуалы. Эстель	35
Визуалы. Корвин	36
Сопоставление	37
Глава 7. Улица Сломанных Фонарей	38
Глава 8. Вердикт	42
Глава 9. Адамантиевое сердце	47
Глава 10. Торвальд	53
Глава 11. Кровь и пепел	58
Глава 12. Грань (начало)	64
Глава 12. Грань (окончание)	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Изумрудная в клетке

Глава 1. Изумрудная в клетке

Знаете, что самое бесячее в том, чтобы быть наследником богатейшего рода? Не то, что тебя постоянно учат, как жить. Не то, что каждый твой шаг оценивают советники, а каждое слово записывают в протокол. И даже не то, что вместо «привет, как дела» тебе говорят «ваше сиятельство, не изволите ли откусать фуа-гра с единорожьим соусом?».

Самое бесячее — это чувство, что ты — часть машины. Что твоя жизнь уже расписана на тысячу лет вперёд: брак с «подходящей» драконицей, рождение «правильных» наследников, заседания Совета, которые длятся дольше, чем жизнь обычного человека. И никто не спрашивает: а хочешь ли ты этого? А есть ли у тебя совесть? А не кажется ли тебе, что твоя семья нажила состояние на крови и слезах тех, кто живёт в Нижних кварталах?

Меня зовут Корвин Адамантий. Мне двести тридцать лет, и я — вор.

Нет, не какой-то там карманник или взломщик сейфов. Я — Призрак, легенда Нижних кварталов, человек (точнее, дракон), за чью голову назначена награда, от которой у любого нормального существа закружится голова. Я краду у богатых и отдаю бедным. Я проникаю в самые охраняемые сокровищницы и забираю то, что веками награблено у народа. Я не убиваю — если можно не убивать. Но если нужно... ну, скажем так, моя адамантиевая чешуя не только красиво блестит.

Адамантиевый род. Звучит пафосно, правда? Моя семья владеет шахтами, банками и половиной политических советников в трёх мирах. Мой отец — Верховный лорд, заседает в Совете Тринадцати (да-да, теперь их тринадцать — после того, как объявился ртутный род и Лайра Вокс стала Верховной леди Меркуриан, Советы пришлось расширять, идиоты они там все, но это не моё дело). И каждое утро отец начинает с того, что проклинает моё имя. Потому что я — позор рода. Потому что я отказался жениться на дочери лорда Рубинового (старый козёл, кстати, уже похоронил трёх жён — четвёртую, видимо, решил поменять на более молодую). Потому что я публично назвал отца «гнилым мешком с золотом, который боится запаха настоящей жизни».

Тот скандал до сих пор вспоминают в кулуарах Совета. Меня лишили наследства, вычеркнули из родословной (формально, но мать тайком присылает мне пирожки — она всегда была за меня), и объявили, что «лорд Корвин Адамантий более не имеет отношения к своему роду». Я плюнул на это и ушёл в Нижние кварталы. Снял комнату над таверной «Хромой василиск». Начал воровать.

Первое время было тяжело. Я привык к шёлковым простыням и слугам, которые подают завтрак в постель. А тут — крысы, сырость, запах дешёвого эля и сосед-алкоголик, который по ночам пел баллады о любви и фальшивил так, что даже крысы разбегались. Но я научился. Перетерпел. Потому что там, внизу, я увидел настоящую жизнь. Людей, которые работают до седьмого пота, чтобы прокормить детей. Стариков, которых выбрасывают на улицу, когда они перестают быть полезны. Детей, больных магической чумой, потому что лекарства стоят дороже, чем их жизнь.

Моя семья называла это «неизбежными издержками». Я называл это преступлением.

Поэтому я ворую. И сегодня — моя самая амбициозная кража.

Сокровищница Изумрудного рода.

Я готовился три месяца. Изучал планы подземелий, подкупал слуг (один из них, кстати, оказался моим тайным поклонником и согласился помочь за автограф — пришлось расписаться на салфетке), тестировал магические ловушки на собственной шкуре — благо адамантеевая чешуя выдерживает даже прямое попадание рубинового огня. Но сегодняшнее проникновение было особенным. Потому что я шёл не за золотом и не за драгоценностями. Я шёл за «Слезой Изумруда» — артефактом, который, по легендам, исцелял любую болезнь. В Нижних кварталах свирепствовала магическая чума. Дети умирали. Лекарств не было. А «Слеза» могла очистить целый резервуар воды, сделав её целебной. Этого хватило бы на весь Нижний Город.

План был прост: проникнуть через вентиляционную шахту, которую не обновляли лет триста, обойти барьеры с помощью артефакта-глушилки (спасибо техномагам Арканиса — Лайра, если ты это читаешь, я твой должник), усыпить стражников газом собственного изобретения, взять «Слезу» и уйти. Быстро. Тихо. Как призрак.

Всё шло идеально. До последней двери.

Шахта? Пролез, хотя застрял бёдрами дважды — проклял своё драконье телосложение, но справился. Газ? Сработал отлично, стражники спали сладким сном, и даже храпели в унисон. Барьеры? Артефакт-глушилка справился с ними за пять минут. Я стоял перед последней дверью — массивной, из чёрного дерева, с изумрудными рунами, которые слабо пульсировали в темноте. За ней — сокровищница. За ней — «Слеза».

Я толкнул дверь. Она открылась без скрипа — смазана, видимо, теми же слугами, которых я подкупил. Я шагнул внутрь.

И тут же понял, что попал.

Не в ловушку. Не в засаду. Во что-то гораздо более опасное.

В её спальню.

Сокровищница Изумрудного рода — так я думал — должна была быть подвалом, хранилищем, холодным и пыльным. Но комната, в которую я вошёл, была... спальней. Огромной, роскошной, с высокими сводчатыми потолками, расписанными фресками изумрудных драконов в полёте. Стены были обиты тёмно-зелёным бархатом. Пол — чёрным мрамором, на котором лежали пушистые ковры. В углу стояла массивная кровать с балдахином — изумрудные занавески, шёлковые простыни, куча подушек. А на кровати...

На кровати сидела она.

Я узнал её сразу. Кто бы не узнал? Леди Эстель Изумрудная, бывшая невеста самого Кайдана Сапфирового. Та, которую бросили ради золотой выскочки Адэль. Та, чьё имя стало нарицательным для «холодной, манерной, высокомерной стервы». Она сидела в центре кро-

вати, поджав ноги под себя, в шёлковом халате изумрудного цвета, распахнутом на груди. Её волосы — тёмные, почти чёрные, с изумрудными прядями — были распущены и падали на плечи водопадом. Лицо без макияжа, но от этого не менее красивое — острые скулы, тонкие губы, глаза цвета молодой листвы, которые сейчас смотрели на меня с абсолютным, ледяным спокойствием.

В правой руке она держала бокал с вином. В левой — кинжал. Не простой, а магический, с изумрудным лезвием, которое светилось в темноте.

— Адамантиевый вор, — произнесла она, и её голос звучал так, будто она обсуждала погоду. — Призрак. Тень. Я слышала о тебе.

— Леди Эстель, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри всё сжалось. — Я думал, сокровищница находится в подвале.

— Сокровищница — да. Но «Слеза Изумруда» — не в сокровищнице. Она здесь. — Она кивнула на тумбочку у кровати. Там, на бархатной подушке, лежал каплевидный камень, пульсирующий изумрудным светом. — Я храню её при себе. На случай, если заболею. Или если мне понадобится кого-то вылечить.

— Ты знала, что я приду?

— Догадывалась. Ты третий за триста лет, кто попробовал пробраться через вентиляцию. Первый застрял, его вытаскивали два дня. Второй — отравился газами. Ты — единственный, кто добрался до моей спальни. — Она сделала глоток вина. — Я решила, что будет интересно на тебя посмотреть.

— И что, интересно?

Она прищурилась.

— Ты ниже, чем я ожидала.

— Я нормального роста.

— Для вора — возможно. Для дракона — низковат.

— У меня другие достоинства.

Она усмехнулась — холодно, с лёгким презрением.

— Какие же?

— Например, я не убиваю невинных. И не продаю детей в рабство. В отличие от твоего будущего мужа.

Лицо Эстель дрогнуло. Всего на мгновение — но я заметил. Бокал в её руке замер, изумрудное лезвие кинжала сверкнуло ярче.

— Не смей говорить о нём, — процедила она.

— О ком? О лорде Рубиновом? Старом развратнике, который уже похоронил трёх жён? Или о твоём отце, который продаёт тебя ему, чтобы получить доступ к рубиновым шахтам?

— Замолчи.

— А что, правда глаза колет?

Она вскочила. Халат распахнулся, открывая длинные ноги и край кружевной сорочки. Кинжал сверкнул в её руке. В глазах горел огонь — не изумрудный, а настоящий, живой, опасный.

— Ещё слово, и я вскрою тебе горло.

— Ты не сможешь. У меня адамантиевая чешуя. Твой кинжал сломается.

— Тогда я задушу тебя подушкой.

— Удушье — не мой фетиш, но спасибо за предложение.

Она взбесилась. Я видел, как её лицо исказилось от ярости — впервые за весь разговор ледяная маска треснула, и под ней оказалась не статуя, а живая женщина. Уставшая. Загнанная в угол. Отчаявшаяся.

— Ты! — она бросилась на меня.

Я ожидал удара кинжалом. Или магией. Но она сделала нечто иное — она схватила меня за грудки. Вцепилась пальцами в мою куртку и притянула к себе так сильно, что наши лица оказались в сантиметре друг от друга. Я чувствовал запах её духов — жасмин, зелёный чай, и что-то ещё, древнее, древесное. Я чувствовал жар её тела — драконы всегда горячие, особенно когда злятся. И я чувствовал её дыхание — прерывистое, частое, с нотками вина и горечи.

— Ты не знаешь меня, — прошептала она. — Ты не знаешь, через что я прошла. Ты не знаешь, как мне больно.

Она смотрела на меня. Её глаза — изумрудные, с золотыми искорками — были так близко, что я видел в них своё отражение. Её губы — тонкие, бледные, чуть приоткрытые — были так близко, что я чувствовал их тепло. И в этот момент внутри меня что-то щёлкнуло.

Мой дракон. Тот самый, который дремал внутри меня. Он не просто проснулся — он взревел. Так, что у меня заложило уши. Он требовал. Он жаждал. Он хотел её.

Я почувствовал, как моя чешуя — адамантиевая, угольно-черная — проступает на предплечьях, на плечах, на шее. Я почувствовал, как мои зрачки вытягиваются вертикально, как когти прорезают перчатки. Я почувствовал, как дракон внутри меня рвётся наружу, чтобы схватить её, прижать к стене, вдохнуть её запах, сделать своей.

Но хуже всего было то, что она тоже это чувствовала.

Её чешуя — изумрудная, переливающаяся — проступила на скулах, на руках, на ключицах. Её глаза засветились зелёным. Её дыхание сбилось. Она не отстранилась. Она смотрела на меня, и в её взгляде не было страха — только изумление.

А потом — вспышка.

Свет вырвался из точки, где наши тела соприкоснулись. Я не понял, где именно — может быть, грудь к груди, может быть, пальцы на её талии, может быть, дыхание, смешавшееся в одно. Свет был белым, ослепительным, пульсирующим. Он обжёг мои запястья, поднялся по рукам, достиг груди, головы. Я почувствовал, как что-то врезается в мою кожу — не больно, но ощутимо, как клеймо. Я опустил взгляд.

Метка.

Глава 2. Метка

Глава 2. Метка

На моём правом запястье горел тонкий, изящный узор — черно-зелёный, переливающийся, как жидкий металл. Такая же метка пульсировала на её руке — там, где её пальцы всё ещё сжимали мою куртку.

— Что... — её голос сорвался. — Что это?

— Метка истинности, — выдохнул я.

— Невозможно.

— Метка не лжёт.

Она отпустила меня. Отшатнулась, как от огня. Отступила к кровати, прижимая руки к груди, словно защищаясь. Её глаза были расширены, чешуя на скулах пульсировала в такт метке. Она смотрела на меня — и в этом взгляде было всё: ужас, отрицание, гнев. И ещё что-то. Что-то, что она отчаянно пыталась спрятать.

— Ты — вор, — прошептала она. — Ты — вор.

— Метке плевать на титулы.

— Но это невозможно! Метка появляется только между драконами, которые... которые созданы друг для друга. А мы... мы чужие!

— Мы оба драконы. Этого достаточно.

— Нет! — она закричала. Я никогда не слышал, чтобы она кричала — во всех слухах она была ледяной статуей, бесстрашной, невозмутимой. А сейчас она кричала, и в её голосе была боль. — Нет, нет, нет! Я не принимаю это! Я не хочу быть твоей истинной! Ты — никто! Ты — ворюга, который грабит мою семью! Ты — позор своего рода! Ты даже имени своего не заслуживаешь!

Она истерила. Я видел это. Её плечи тряслись, на глазах выступили слёзы — настоящие, а не те, что пускают для манипуляции. Она сжимала кулаки. Она билась в той самой клетке, которую сама для себя построила — клетке из титулов, обязательств, семейных уз, и теперь, когда появился шанс вырваться, она боялась его до смерти.

— Эстель, — тихо сказал я.

— Не называй меня по имени!

— Эстель, — повторил я. — Посмотри на меня.

Она подняла голову. Слёзы текли по её щекам. Её губы дрожали.

— Что ты хочешь? — прошептала она. — Ты пришёл украсть «Слезу»? Укради. Забери. Мне плевать. Только уходи.

— Я не могу.

— Почему?!

— Потому что метка.

Она снова посмотрела на запястье. Метка пульсировала — ярко, ровно, в такт её сердцебиению. Моя — вторила ей. Мы были связаны. Две души, которые даже не знали друг друга, а теперь — навсегда.

— Что нам делать? — спросила она, и в её голосе не осталось ни капли высокомерия. Только растерянность. Только страх.

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но я знаю одно: если ты останешься здесь, твой род выдаст тебя за Рубинового. Он будет бить тебя. Унижать. Использовать. Потому что ему нужна не ты — ему нужна твоя магия, твой титул, твоя утроба для наследников.

— А что ты мне предложишь? Жизнь в Нижних кварталах? В грязи, в вони, среди крыс и воров?

— Я предложу тебе свободу.

Она замерла. Её глаза — влажные, красные, но всё ещё прекрасные — смотрели на меня. В них боролись надежда и недоверие.

— Свободу, — повторила она. — Какую свободу?

— Ты уйдёшь со мной. На месяц. Если через месяц ты захочешь вернуться — я помогу тебе снять метку.

— Ты можешь её снять?

— Нет. Но я могу попытаться.

Она долго смотрела на меня. Потом вдруг шагнула вперёд. Схватила меня за грудки — снова, но теперь не в ярости, а в отчаянии. Её пальцы вцепились в ткань моей куртки, и она притянула меня к себе так, что я почти упал на неё. Наши тела соприкоснулись — её грудь прижалась к моей груди, её бедра — к моим бедром. Я почувствовал, как её сердце колотится. Так же быстро, как моё.

— Ты... — прошептала она, и её губы были в миллиметре от моих. — Ты хоть понимаешь, что предлагаешь? Ты хоть понимаешь, что будет, если меня найдут? Мой род убьёт тебя. Рубиновый — тоже. Ты станешь врагом!

— Я уже враг Тринадцати родов. С того дня, как украл у Нефритовых их корону.

Она тихо рассмеялась — нервно, прерывисто.

— Ты украл корону Нефритовых?

— И продал её, чтобы купить лекарства для детей в Нижних кварталах.

— Ты... — она замолчала. Потом её пальцы скользнули по моей груди выше, к шее, к лицу. Она коснулась моей щеки — прохладными, дрожащими пальцами. — Ты не похож на вора.

— А ты не похожа на ледяную принцессу.

— Я и не принцесса. Я — заложница.

Я хотел ответить, но слова застряли в горле. Потому что её лицо было так близко. Её губы — так близко. Её запах — жасмин, зелёный чай, древесина — ударил в ноздри, и мой дракон заревел. Я почувствовал, как мои руки сами собой ложатся на её талию. Тонкую, горячую, обтянутую шёлком. Я почувствовал, как мои пальцы сжимаются, как я притягиваю её ближе — туда, где моё тело уже затвердело от желания. Я хотел её. Так, как не хотел никого. Так, что у меня темнело в глазах.

Она тоже это чувствовала. Её дыхание сбилось, когда мои бёдра прижались к её животу. Она опустила взгляд — туда, где моё возбуждение было очевидным даже сквозь ткань брюк. Её щёки залились румянцем. Но она не отстранилась.

— Корвин, — прошептала она.

— Эстель, — ответил я.

И в этот момент я понял: ещё секунда — и я не сдержусь. Я сожму её в объятиях, опрокину на эту дурацкую кровать с балдахином, сорву с неё халат, сорочку, всё, что будет мешать, и возьму её прямо здесь, в её собственной спальне, под крики «нет» и «да» одновременно. Метка будет петь, дракон внутри меня будет рычать от удовольствия, и мы оба сойдём с ума.

Но я не мог. Не потому что не хотел. А потому что это было бы неправильно. Она была напугана, растеряна, загнана в угол. Если бы я взял её сейчас — даже с её согласия, — она бы потом ненавидела себя. И меня. А я не хотел, чтобы моя истинная меня ненавидела.

Я отстранился.

Резко. С силой. Оттолкнул её от себя — осторожно, чтобы не упала, но достаточно, чтобы между нами снова появилось расстояние. Она вскрикнула — скорее от неожиданности, чем от боли. Посмотрела на меня расширенными глазами.

— Ты... почему?

— Потому что если я останусь здесь ещё на минуту, я сделаю то, о чём мы оба пожалеем.

— Я не пожалела бы, — тихо сказала она, и в этом «не пожалела бы» было столько тоски, что у меня сжалось сердце.

— Ты не знаешь, что говоришь.

Она молчала. Смотрела на меня. На метку. На «Слезу», которая всё ещё лежала на тумбочке и пульсировала изумрудным светом.

— Я не могу с тобой уйти, — прошептала она наконец.

— Потому что, ты окажешься таким же, как все.

Я хотел сказать, что не такой. Что я другой. Но слова были бы пустыми. Она должна была увидеть сама.

— Тогда оставайся, — сказал я. — Выходи замуж за Рубинового. Рожай ему наследников. И каждый день, просыпаясь рядом с ним, вспоминай, что был шанс. И ты его упустила. И живи с нашей сеткой истинности как хочешь!

Я развернулся и пошёл к двери.

— Стой! — крикнула она.

Я не остановился.

— Я сказала — стой!

Она метнулась ко мне — быстрее, чем я ожидал. Схватила меня за руку. Её пальцы вцепились в моё запястье — туда, где горела метка. Вспышка. Снова боль. Снова свет. Я зашипел сквозь зубы, но не отдернул руку.

— Не смей уходить, — прошипела она. — Не смей бросать меня. Не сейчас.

— Тогда иди со мной.

— Я не могу!

— Тогда я ухожу.

Я вырвал руку. Она попыталась схватить меня снова — но я был быстрее. Я отступил к двери, нашарил ручку, толкнул её. Холодный воздух коридора ударил в лицо. Я шагнул за порог.

— Корвин! — её крик разнёсся по всему крылу. — Корвин, вернись!

Я не вернулся. Потому что если бы я вернулся, я бы остался. Навсегда.

Я бежал по подземным ходам, не разбирая дороги. В ушах всё ещё звенел её крик. На запястье пульсировала метка — и через неё я чувствовал её. Страх. Отчаяние. И — странно —

надежду. Она надеялась, что я вернусь. Она надеялась, что я буду настойчивее. Она надеялась, что я сломаю её сопротивление.

Но я не мог.

Я выскочил на поверхность через запасной выход — тот, который подготовил на случай отступления. Ночь встретила меня холодным ветром и двумя лунами. Я прислонился к стене, тяжело дыша. В груди жгло. Не от раны — от того, что я оставил её там. Одну. В клетке, которую сама для себя построила.

— Что ты наделал, идиот, — прошептал я.

Метка пульсировала. Её пульс был неровным — она плакала. Я чувствовал её слёзы через связь, и это было хуже, чем любая боль.

— Прости, — сказал я в пустоту. — Прости..

Она не ответила. Но метка стихла. Не погасла — просто перестала пульсировать тревожно. Стала ровной, спокойной. Как будто она приняла мой уход. Как будто поняла, что я вернусь.

А я вернусь. Обязательно. Но не сегодня. Сегодня мне нужно было подумать. Придумать план. Найти способ вытащить её из этого замка, из её семьи, из её проклятой судьбы. И сделать это так, чтобы она не просто сбежала — а ушла сама. С добровольным согласием. С открытыми глазами.

Я оторвался от стены и шагнул в темноту Нижних кварталов. Впереди была таверна «Хромой василиск», моя комната, крысы и запах дешёвого эля. И где-то там, среди этого всего, я должен был придумать, как украсть не артефакт. А сердце изумрудной драконицы.

— Ты влип, Корвин, — сказал я себе. — Влип по самые уши.

Глава 3. Ледяная маска

Глава 3. Ледяная маска

Знаете, что самое паршивое в том, чтобы быть «идеальной невестой»? Нет, не бесконечные примерки платьев. Не необходимость улыбаться старым лордам, от которых за версту разит перегаром и разложением. И даже не то, что твоё тело — не твоё, а товар, который оценят, взвесят и продадут тому, кто предложит больше.

Самое паршивое — это когда ты сама начинаешь верить, что ничего другого не заслуживаешь.

Меня зовут Эстель Изумрудная. Мне двести десять лет, и я — товар.

Звучит цинично? Возможно. Но это правда. В моём мире никто не спрашивает, чего хочешь ты. Спрашивают, что ты можешь дать. Твою магию — для усиления рода. Твою утробу — для наследников. Твоё имя — для политических союзов. А твои чувства, мечты, желания? Это брак. Считается, что это роскошь, которую может позволить себе только простой народ. Или те счастливицы вроде Адэль, которые свалились с неба и получили истинную пару в придачу.

Адэль.

Я сжала кулаки, сидя на краю своей огромной кровати. Простыни были шёлковыми, прохладными, пахли лавандой — мои любимые. Подушки — перина из лебяжьего пуха, купленная на другом конце мира. Всё это было моим. Комната, замок, платья, драгоценности. Всё, кроме моей собственной жизни.

Она получила его. Получила Кайдана. Сапфирового дракона, Верховного лорда, мужчину, который должен был стать моим. Не потому что я его любила — любви не было. Было... уважение? Принятие? Мы были хорошей парой на бумаге. Сапфир и Изумруд. Два сильнейших рода. Два холодных, расчётливых существа, которые не впутывают эмоции в политику. Я знала, что он не будет меня бить. Не будет унижать. Будет приходить в мою постель раз в неделю для зачатия наследника, а всё остальное время мы будем жить своей жизнью. Это было... приемлемо. Достойно. Правильно.

А потом появилась она. Адэль Райт. Опер из Бруклина. Человек, который оказался драконом. Золотая выскочка, которая ворвалась в храм, сбила меня с ног, а через неделю стала его женой. Истинной парой.

Я до сих пор помнила тот день. Белое платье, расшитое изумрудами. Мои волосы, уложенные в сложную причёску, — полдня просидела, пока служанки колдовали над каждой прядью. Запах цветов — живых, не голографических, настоящих. Я шла к алтарю и думала: «Вот оно. Моё место. Рядом с ним. Правильное, правильное место».

А потом просто открылся портал. Грубый, рваный, нестабильный. Из него вывалилась женщина в кожаной косухе. У неё были короткие платиновые волосы и злое лицо. Она призем-

лилась на меня. Буквально. Сбила с ног. Я покатила по каменному полу, больно ударившись локтем, и услышала, как моё идеальное платье трещит по швам.

А потом — он. Кайдан. Он смотрел не на меня, лежащую на полу. Он смотрел на неё. На эту нелепую, растрёпанную, грязную девицу, которая только что испортила главный день моей жизни. И в его глазах я увидела то, чего никогда не видела раньше. Жизнь.

Он смотрел на неё так, как никогда не смотрел на меня. Как будто она была чудом. Как будто она была солнцем, а он — цветком, тянущимся к свету.

Метка истинности вспыхнула между ними. Я видела этот свет — золотисто-синий, ослепительный. И в тот момент что-то внутри меня умерло.. Это была надежда. Надежда на то, что я смогу быть счастлива в своей правильной, достойной, холодной жизни.

Потому что метка не выбирает по расчёту. Она выбирает по душам. И она выбрала её.

Я не плакала тогда. Я поднялась, отряхнула платье и ледяным тоном сказала: «Лорд Кайдан, объяснитесь». А внутри всё горело. Я хотела кричать. Рвать волосы. Бросить в эту золотоволосую дрянь магическим огнём. Но я не могла. Потому что я — леди Эстель Изумрудная. Моё лицо — это маска. Моя репутация — это броня. Если я покажу слабость, меня съедят. Растерзают. Используют.

Именно это и случилось.

После того, как Кайдан расторг помолвку, мой род начал лихорадить. Отец метал громы и молнии. Советники шептались, перекладывали бумаги, звонили кому-то, писали письма. А потом мне объявили: «Ты выйдешь замуж за лорда Рубинового».

Лорд Рубиновый. Я знала его. Кто не знал? Высокий, грузный, с тяжёлым взглядом и руками, которые, как говорили, не знали нежности. Ему было шестьсот лет. Он пережил трёх жён. Одна умерла от «несчастливого случая» — упала с лестницы. Вторая — «от болезни» — её нашли мёртвой в собственной спальне с синяками на шее. Третья просто исчезла. Говорили, она сбежала, но её никто не видел уже пятьдесят лет.

И я должна была стать четвёртой.

— Это ради блага рода, — сказал отец. Его голос был ровным, холодным, как у торговца, который взвешивает товар. — Рубиновые контролируют шахты на востоке. Если мы объединимся, Изумрудный род станет сильнейшим в Совете Тринадцати.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься.

— Почему?

— Потому что ты — моя дочь. И ты знаешь свой долг.

Я знала. Долг. Это слово преследовало меня всю жизнь. Долг перед родом. Долг перед семьёй. Долг перед памятью предков. Никто никогда не говорил о долге перед собой. О том, что я имею право на счастье. На любовь. На свободу.

Я смотрела в окно на сад — тот самый, который сажала моя мать. Розы. Красные, белые, розовые. Они цвели даже зимой — магия поддерживала их. Мама умерла, когда мне было пятьдесят. Это много для человека, но для дракона — почти детство. Я помнила её смутно: тёплые руки, запах ванили, голос, который пел колыбельные. Когда она ушла, отец стал другим. Жёстче. Холоднее. Он больше никогда не женился — но не из любви к её памяти, а потому что брак был инструментом, а он уже получил от этого инструмента всё, что хотел: наследницу.

Меня.

Я думала, что брак с Кайданом станет моим спасением. Он был сильным, но не жестоким. Равнодушным, но не злым. С ним я могла бы жить в своём ледяном дворце, не притворяясь, что мне тепло. Но теперь — Рубиновый. Старый, больной, жестокий. Говорили, он бил своих жён не из злости, а из удовольствия. Говорили, он заставлял их делать вещи, о которых стыдно говорить вслух. Говорили, что он не остановится, пока не сломает их полностью — тело, душу, волю.

И я должна была стать следующей.

Я стояла у окна в своей спальне, сжимая подоконник так, что костяшки побелели. Ночь была тёмной, две луны скрылись за тучами. В саду ветер трепал розы — красные лепестки кружились в воздухе, как капли крови.

— Не плачь, — сказала я себе. — Ты — леди Эстель. Ты не плачешь.

Но слёзы всё равно текли. По щекам. По шее. По ночной сорочке. Я не вытирала их. Пусть. Никто не видит.

— Завтра приедет его посланник, — прошептала я. — Подпишет контракт. Через месяц — свадьба.

Через месяц я стану его женой. Его собственностью. Его игрушкой.

Я хотела закричать. Разбить окно. Вылететь в ночь. Улететь куда-нибудь далеко-далеко, в другой мир, где меня никто не знает. Но я не могла. Потому что я — леди Эстель. Моё место здесь. В клетке. С позолотой и шёлком.

И в этот момент я услышала звук. Тихий, скребущий, из вентиляционной шахты.

Я не спала. Бессонница стала моей постоянной спутницей после того, как Кайдан расторг помолвку. Я лежала в кровати, смотрела в потолок и считала трещины на штукатурке. Их было сорок семь. Я знала каждую.

А потом шахта заскреблась.

Глава 4. Нежданный гость

Глава 4. Нежданный гость

Сначала я подумала — крысы. В замке Изумрудных не водились крысы. Магические ловушки уничтожали любую живность, кроме самих драконов. Но звук был живой, настойчивый. Кто-то лез.

Я сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на решётку вентиляции. Она располагалась высоко, под самым потолком. Я знала, что через эту шахту можно проникнуть в сокровищницу, но она шла через мою спальню. Стало интересно кто же осмелился? Самое ценное - это «Слеза Изумруда». Она хранилась у меня. Я сама настояла на этом. Я никому ее не доверяла. Слишком ценный артефакт.

И вот сейчас кто-то лез.

Я не вызвала охрану. Не закричала. Я взяла с тумбочки бокал с вином (не допила вчера, оставила), сделала глоток, и стала ждать.

Решётка отлетела с глухим стуком. Из шахты вывалился мужчина.

Он приземлился на четвереньки, быстро перекатился и вскочил в боевую стойку. Я успела рассмотреть его: высокий, поджарый, одет в тёмную кожу, лицо скрыто маской, но глаза... глаза были необычные — светлые, почти белые, с вертикальными зрачками. Дракон. И не простой.

— Адамантиевый вор, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Призрак. Я слышала о тебе.

Он замер. Я видела, как напряглись его плечи — он не ожидал, что его будут ждать.

— Леди Эстель, — ответил он, и его голос был низким, хриловатым, с едва заметной иронией. — Я думал это сокровищница, а не ваша спальня.

Я усмехнулась.

— «Слеза» здесь. Я храню её при себе. Если вы за ней.

Он перевёл взгляд на тумбочку — туда, где лежал камень. Изумрудный свет отразился в его глазах.

— Ты знала, что я приду? — спросил он.

Мы говорили. Он был дерзким, наглым, самоуверенным. Он читал мне нотации о моём будущем муже, о моём отце, о моём долге. Я злилась. Я хотела ударить его. Врезать по его наглому морде. Но вместо этого я схватила его за грудки.

Зачем я это сделала? До сих пор не понимаю. Наверное, от отчаяния. От того, что этот чужой, этот вор, этот никто — он говорил правду. О Рубиновом. О моём отце. О том, что меня продают. Он говорил то, что я боялась признать сама.

Я вцепилась в его куртку, притянула к себе. Он был горячим — адамантии всегда горячие, у них кровь, как расплавленный металл. Я чувствовала жар его тела через ткань. Чувствовала запах — кожа, порох, дым, и что-то древнее, сильное.

А потом это случилось.

Комната взорвалась светом. Чёрно-зелёным. Как грозовое небо перед бурей. Я почувствовала, как жжение вливается в моё запястье — там, где моя рука сжимала его куртку. Я опустила взгляд и увидела метку. Чёрно-зелёную. Пульсирующую. Живую.

— Метка истинности, — выдохнул он.

— Невозможно.

— Возможно.

Я смотрела на метку, и внутри меня всё переворачивалось. Страх. Надежда. Ярость. Желание. Да, желание. Потому что в тот момент, когда свет погас, когда метка врезалась в мою кожу, я почувствовала его. Не эмоции — нет, метка ещё не настроилась. Я почувствовала его присутствие. Как будто он был частью меня. Как будто мы всегда были связаны, просто я не знала.

Я хотела его. Буквально. Физически. Хотела, чтобы он прижал меня к стене, сорвал с меня халат, сделал больно и сладко одновременно. Хотела, чтобы он взял меня здесь, на этой кровати, на этих шёлковых простынях, под крики совести и шёпот страсти.

Но я не могла. Потому что это неправильно. Потому что через месяц меня ждёт другой. Старый. Жестокий.

Я отпустила его. Отшатнулась. Заорала. Истерила. Потому что если бы я не заорала, я бы заплакала. А если бы я заплакала, он бы меня пожалел. А если бы он меня пожалел — я бы не выдержала. Я бы бросилась ему на шею и умоляла забрать меня отсюда.

— Я не принимаю это! — кричала я. — Я не хочу быть твоей истинной! Ты — никто! Ты — ворюга! Ты — позор своего рода!

Я била его кулаками в грудь. Он не сопротивлялся. Стоял и смотрел на меня. Спокойно. Терпеливо. Как будто знал, что я должна выкрикаться.

— Эстель, — сказал он тихо.

— Не называй меня по имени!

— Эстель, посмотри на меня.

Я подняла голову. Наши глаза встретились. Его — светло-серые, почти белые, с вертикальными зрачками. Мои — изумрудные, заплаканные, красные.

— Что ты хочешь? — прошептала я. — Ты пришёл украсть «Слезу»? Украти. Забери. Мне плевать. Только уходи.

— Я не могу. Потому что метка.

— Что нам делать?

— Я не знаю, — он помолчал. — Но я знаю одно: если ты останешься здесь, твой род выдаст тебя за Рубинового.

— А что ты мне предложишь? Жизнь в Нижних кварталах?

— Свободу.

Я замерла. Свобода. Какое красивое слово. Я почти забыла, как оно звучит.

— Ты уйдёшь со мной. На месяц. Если через месяц ты захочешь вернуться — я помогу тебе снять метку.

— Ты можешь её снять?

— Нет. Но я могу попытаться.

Я смотрела на него. Смотрела на метку. Смотрела на свои руки — они дрожали.

— Ты хоть понимаешь, что предлагаешь? — прошептала я. — Мой род убьёт тебя. Рубиновый — тоже.

— Я уже враг Тринадцати родов.

— Ты украл корону Нефритовых?

— И продал её, чтобы купить лекарства для детей.

Я тихо рассмеялась. Нервно, прерывисто. Потом мои пальцы сами потянулись к его лицу. Я коснулась его щеки. Она была горячей, чуть шершавой — небритый, конечно. Под пальцами я чувствовала проступающую чешую — адамантиевую, угольно-чёрную, с серебристыми прожилками.

— Ты не похож на вора, — сказала я.

— А ты не похожа на ледяную принцессу.

— Я и не принцесса. Я — заложница.

Он хотел ответить, но что-то изменилось. Его тело напряглось. Я почувствовала, как его руки легли на мою талию — осторожно, почти невесомо. Но их жар пробивал даже через ткань халата. Я опустила взгляд и увидела.

Его желание.

Оно было очевидным. Твёрдым. Горячим. Я прижалась бёдрами к его животу и почувствовала, как он реагирует. Как его дыхание сбивается. Как его зрачки расширяются.

— Корвин, — прошептала я.

— Эстель, — ответил он.

Я хотела, чтобы он поцеловал меня. Хотела, чтобы он опрокинул меня на кровать. Хотела, чтобы он сорвал с меня халат, сорочку, всё. Чтобы он вошёл в меня грубо, сильно, без нежности — потому что нежность была бы ложью. Мы не знали друг друга. Мы не любили друг друга. Но наши драконы — они знали. Они требовали. Они пели.

А потом он отстранился.

Резко. С силой. Оттолкнул меня. Я вскрикнула — скорее от неожиданности, чем от боли.

— Ты... почему?

— Потому что не сейчас, — он тяжело дышал. — Потому что если я останусь здесь ещё на минуту, я сделаю то, о чём мы оба пожалеем.

— Я не пожалела бы.

— Ты не знаешь, что говоришь.

Я молчала. Потому что внутри меня боролись две Эстель. Одна — леди, холодная, расчётливая, которая знала свой долг. Вторая — женщина, уставшая, отчаявшаяся, которая хотела одного: чтобы её кто-нибудь обнял и сказал, что всё будет хорошо.

Он смотрел на меня долгим взглядом. Потом развернулся и пошёл к двери.

— Стой!

Он не остановился.

— Я сказала — стой!

Я метнулась к нему. Схватила за руку. Метка вспыхнула — чёрно-зелёным, ослепительным. Я зашипела от боли, но не отпустила.

— Не смей уходить. Не смей бросать меня. Не сейчас.

— Тогда иди со мной.

— Я не могу!

— Тогда я ухожу.

Он вырвал руку. Я попыталась схватить снова — но он был быстрее. Выскользнул в дверь, и я осталась одна.

— Корвин! — крикнула я. — Корвин, вернись!

Эхо разнеслось по коридору. Тишина. Только ветер за окном.

Я стояла посреди спальни, тяжело дыша. Мои руки дрожали. Метка пульсировала — и через неё я чувствовала его. Он бежал. Быстро. Далеко. Но связь не рвалась.

— Идиот, — прошептала я. — Самоуверенный, наглый идиот.

Я подошла к кровати, села на край. Посмотрела на тумбочку — «Слеза» всё ещё лежала там. Он не взял её. Пришёл за артефактом, а ушёл ни с чем. Потому что метка всё изменила.

— Что ты наделал, — прошептала я.

Внутри меня всё горело. Не огнём — желанием. Я хотела, чтобы он вернулся. Хотела, чтобы он схватил меня, прижал к стене, поцеловал так, чтобы я забыла своё имя. Хотела, чтобы он сделал со мной всё то, о чём я боялась даже думать.

Но он ушёл. Оставил меня одну. С меткой, которая пульсировала в такт его сердцу.

Я легла на кровать. Подтянула колени к груди. Обняла себя за плечи.

— Ты не вернёшься, — сказала я себе. — Ты просто вор. Ты испугался.

Но метка пульсировала иначе. Не тревожно — надеялась. Она надеялась, что он вернётся. Что он не бросит меня. Что он будет настойчивее.

— Идиотка, — прошептала я. — Ты идиотка, Эстель. Ты веришь в сказки. Ты веришь, что какой-то вор может тебя спасти.

Слёзы текли по щекам. Я не вытирала их. Зачем? Никто не видит.

Где-то далеко, на другом конце города, Корвин Адамантий бежал по улицам Нижних кварталов. Я чувствовала это через метку — его шаги, его дыхание, его сердцебиение. Оно было быстрым, рваным. Он тоже был напуган. Не меньше меня.

— Вернись, — прошептала я в темноту. — Пожалуйста, вернись.

Метка пульсировала в ответ — тихо, успокаивающе. Как будто обещала.

Я закрыла глаза. Передо мной стояло его лицо. Светлые глаза, острые скулы, тень щетины. И руки — сильные, горячие, которые держали меня за талию. Я представила, как они скользят выше, к груди. Как сжимают. Как заставляют меня стонать.

— Чёрт, — выдохнула я, проводя ладонью по животу. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Моё тело горело. Каждая клетка требовала его. Драконица внутри меня металась, рычала, царапала когтями изнутри. Она хотела своего самца. Своего истинного. Этого вора с наглой улыбкой и горячими руками.

— Не сейчас, — прошептала я, сжимая простыни. — Не сейчас, идиотка.

Я перевернулась на живот, зарылась лицом в подушку. Вдохнула запах лаванды — и вдруг показалось, что пахнет им. Кожей, порохом, дымом. Я застонала — тихо, в подушку.

— Ты с ума сошла, Эстель. Ты с ума сошла.

Но метка пульсировала. И её пульс совпадал с моим сердцем.

Он вернётся. Я знала это. Не потому что верила в сказки. А потому что метка не лжёт. Она заставит придти его ко мне.

Я посижу в этой клетке ещё немного. Но когда он вернётся — а он вернётся, — я сделаю выбор. Свой собственный. Не ради рода. Не ради отца. Ради себя. А если не вернётся, я приду к нему сама.

В ту ночь я не сомкнула глаз. Лежала, смотрела в потолок и считала трещины. Их было сорок семь. Сорок восемь — новая, возле люстры.

А метка пульсировала. Чёрно-зелёная. Как надежда.

Глава 5. Спящая кровь

Глава 5. Спящая кровь

Эстель

Я не спала трое суток. Семьдесят два часа с того момента, как вентиляционная решётка отлетела с глухим стуком и в мою жизнь ввалился адамантиевый вор. Семьдесят два часа, за которые я успела: а) обнаружить, что у меня есть истинная пара; б) закатить истерику, достойную дешёвого театра; в) получить метку, которая теперь пульсировала на запястье, как крошечное сердце; г) остаться одной.

Пункт «г» был самым паршивым.

Я лежала на своей огромной кровати, пялясь в потолок. Рядом со мной, на шёлковой подушке, лежала «Слеза Изумруда» — каплевидный камень, который пульсировал в такт моему сердцебиению. Или, может быть, в такт метке. Я уже не разбирала, я просто не могла..

За окном брезжил рассвет — серый, унылый, совсем не похожий на тот, что бывает, когда ты счастлива. Я смотрела, как свет крадётся по стенам, по фрескам с изумрудными драконами, по балдахину, который я в прошлой жизни сама выбирала из двадцати каталогов. В прошлой жизни. До того, как всё полетело к чёрту.

Самое смешное? Я не могла решить, злюсь я на него или хочу, чтобы он вернулся.

Ладно, вру. Я знала. Я хотела, чтобы он вернулся. Просто... я помнила его руки. Его запах — кожа, порох, что-то древнее, дикое. Помнила, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу: не как на ледяную статую, а как на женщину. Живую. Желанную.

А потом он ушёл. Потому что «если я останусь, я сделаю то, о чём мы оба пожалеем». Благородный идиот. Я бы не пожалела. Я бы, может быть, впервые за двести лет почувствовала себя счастливой. Но нет. Он ушёл. И теперь я лежала тут, как экспонат в музее собственной жизни, и ждала непонятно чего.

— Леди Эстель? — голос служанки из-за двери был осторожным. Все в замке знали, что лучше не беспокоить меня в последние дни. — К вам прибыл лорд Торвальд. Говорит, вы его ждёте.

Я не ждала его. Но Торвальд был единственным кузеном, которого я могла терпеть дольше пяти минут. Он не лебезил перед моим отцом, не пытался набить цену своему титулу и не смотрел на меня как на дорогой предмет мебели. Кроме того, после той истории с Кайданом и Адэль он был единственным из Изумрудного рода, кто прислал мне письмо — не соболезнование, а просто весточку: «Если захочешь поговорить, я рядом». Я не захотела. Но запомнила.

— Пусть войдёт, — сказала я, садясь в постели. Машинально поправила рукав халата, чтобы прикрыть метку. Я ещё не была готова к вопросам.

Торвальд вошёл. Высокий, широкоплечий, в дорожном костюме, перепачканном какой-то зеленоватой грязью. Его волосы, тёмные с изумрудным отливом, были растрёпаны, на щеке красовалась свежая царапина. Он выглядел так, будто только что выбрался из болота, но изумрудные глаза сияли той особой энергией, которая появляется у драконов, когда они напали на след чего-то важного.

— Прости, что без предупреждения, — начал он, оглядывая мою спальню. — Я только вернулся с раскопок в Дельте. Думал, успею привести себя в порядок, но потом услышал новости и...

Он осёкся. Я видела, как его взгляд скользнул по моему лицу — по теням под глазами, по растрёпанным волосам, по тому, как я сутулилась, хотя обычно сидела с идеальной осанкой.

— Ты выглядишь как-то дерьмово, — сказал он честно.

— Спасибо за комплимент. Ты тоже не модель для обложки.

— Я хотя бы знаю, почему я выгляжу как дерьмо. Я три дня копался в руинах. А ты что делала?

— Занималась самокопанием. Это грязная работа.

Он хмыкнул и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло напротив моей кровати. Положил ногу на ногу, стянул перчатку, бросил её на столик. Жесты были ленивыми, но я знала Торвальда достаточно, чтобы понимать: он напряжён.

— Я слышал про свадьбу, — сказал он, глядя в окно. — Отец сказал, контракт подписывают послезавтра. Рубиновый приедет лично.

Я ничего не ответила. В горле стоял ком.

— Эстель, — он повернулся ко мне, и его голос стал мягче, — я понимаю, что это не моё дело. Но я видел Рубинового на Совете пару месяцев назад. Он... — Торвальд замялся, подбирая слова. — От него у меня чешуя встаёт дыбом. В плохом смысле.

— Я знаю, — тихо сказала я. — Я знаю, кто он такой.

— Тогда почему?..

— Потому что мой отец так решил. Потому что это мой долг. Потому что я — Изумрудная, а мы, Изумрудные, не задаём вопросов, когда речь идёт о благе рода. — Я скривилась. — Мне это повторяют с тех пор, как мне исполнилось пятьдесят.

Торвальд долго молчал. Потом вдруг встал, подошёл к окну, опёрся ладонями о подоконник. Его плечи были напряжены. Я видела, как под тканью дорожного костюма проступает чешуя — изумрудная, с тёмными прожилками, — признак того, что он злится.

— Ты моя семья, Эстель, — сказал он, не оборачиваясь. — Я не могу смотреть, как тебя продают этому...

— Торвальд.

— ...этому старому козлу. Прости, но это правда. Я знаю, что он сделал со своими предыдущими жёнами. Это не брак, это приговор.

— Спасибо, что напомнил.

Он резко развернулся, собираясь что-то сказать — и замер.

Потому что я по привычке поднесла руку к лицу, откидывая волосы назад. И рукав халата соскользнул.

Метка вспыхнула в утреннем свете — чёрно-зелёная, переливающаяся, как жидкий металл. Невозможно было не заметить. Невозможно было принять за обычную татуировку.

В комнате повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как в саду за окном падают капли росы.

— Эстель, — произнёс Торвальд, и его голос звучал так, будто он не верил собственным глазам. — Это... метка истинности?

Я молчала. Слишком поздно было прятать руку, слишком глупо было врать. Да и зачем? Торвальд был единственным, кому я, возможно, могла доверять.

— Да, — сказала я. — Метка.

— Но... — он шагнул ближе, вглядываясь в узор. — Как? Кто? Я думал, метки появляются только между драконами, которые...

— Которые созданы друг для друга. Я в курсе.

— Кто он? — голос Торвальда стал жёстким. — Кто твой истинный? Почему отец всё ещё выдаёт тебя за Рубинового, если у тебя есть пара?

— Потому что отец не знает. Никто не знает. Только ты.

— И он?

Я отвела взгляд.

— И он.

Торвальд медленно опустился обратно в кресло, не сводя с меня глаз. Его лицо было смесью потрясения, неверия и любопытства.

— Расскажи мне, — попросил он. — Всё. Кто он? Как вы встретились? Почему метка появилась сейчас?

Я сжала пальцы на простыне. Мне не хотелось говорить. Но молчание последних трёх дней душило меня, и Торвальд был первым, кто спросил не про контракт с Рубиновым, не про долг перед родом, а про меня.

— Ты когда-нибудь слышал о Призраке? — спросила я.

— Адамантиевый вор? Конечно. Его голова стоит целое состояние. Совет его ненавидит. — Торвальд помолчал, и вдруг его брови поползли вверх. — погоди. Ты хочешь сказать...

— Да. Мой истинный — Корвин Адамантий. Позор своего рода. Вор. Человек, который пробрался в мою спальню три ночи назад, чтобы украсть «Слезу Изумруда», а вместо этого получил метку.

Торвальд открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты шутишь.

— Я никогда не шучу в семь утра после трёх суток без сна.

— Адамантиевый вор, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Тот самый, который украл корону Нефритовых, взломал хранилище Ониксовых и публично назвал своего отца «гнилым мешком с золотом»?

— Тот самый.

Торвальд откинулся на спинку кресла и расхохотался. Искренне, громко, запрокинув голову. Я смотрела на него и не знала, что делать: обидеться или присоединиться.

— Боги, — выдохнул он, отсмеявшись. — Боги, Эстель. Ты — ледяная принцесса Изумрудного рода, самая недоступная невеста в трёх мирах, и твоя истинная пара — уголовник. Это... это великолепно.

— Я рада, что тебе весело.

— Прости. — Он вытер глаза. — Просто... это так типично для магии крови. Она всегда выбирает самое неподходящее совпадение. Вспомни Кайдана и Адэль: Верховный лорд и опер из Бруклина. Теперь — ты и вор.

— Он не просто вор, — сказала я, и мой голос прозвучал резче, чем я хотела. — Он пришёл за «Слезой», чтобы спасти детей в Нижних кварталах. Там эпидемия магической чумы, а лекарств нет. Он... он хороший человек, Торвальд. По крайней мере, так мне кажется.

Кузен перестал улыбаться и внимательно посмотрел на меня.

— Ты влюбилась.

— Нет! — Я вскинулась. — Я знаю его три дня! Точнее, видела один раз. Это метка. Это всё метка.

— Метка не создаёт чувств, Эстель. Она их проявляет. Если ты не можешь выбросить его из головы, значит, дело не только в магии.

Я хотела возразить, но не смогла. Потому что он был прав.. Он был первым, кто сказал «я предложу тебе свободу» — и не потребовал ничего взамен.

— Что ты собираешься делать? — спросил Торвальд.

— Не знаю. — Я поёрзала на кровати. — У меня есть план, но он дурацкий.

— Какой?

— Бежать. В Нижние кварталы. Найти его. Провести с ним месяц, как он предлагал, и понять, кто я такая, когда никто не смотрит.

— А потом?

— А потом — посмотрим. Он сказал, что поможет снять метку, если я захочу вернуться. Может, снимет. Может, я не захочу.

Торвальд задумчиво кивнул. Он не выглядел шокированным — скорее, оценивающим. Как стратег, который просчитывает ходы на несколько шагов вперёд.

— Это опасный план, — сказал он наконец. — Рубиновый не простит побега. Твой отец — тем более. Они бросят за тобой всех, кого можно.

— Я знаю.

— И ты готова рискнуть?

— А у меня есть выбор?

Глава 6. Неожиданный поворот

Глава 6. Неожиданный поворот

Он не ответил. Вместо этого он полез в карман своего пыльного костюма и достал что-то. Маленький голографический проектор, который он активировал одним нажатием. В воздухе над его ладонью развернулось изображение — каменная табличка с древними рунами, грубо вырезанными в тёмном базальте.

— Что это? — спросила я.

— То, что я нашёл на раскопках в Дельте, — ответил он. — Мы с Валерией Флинт работали над зачисткой остатков последователей Ксавьера, и я наткнулся на это в руинах храма. Табличке около пятисот лет. Руны — на диалекте Арканиса-Прайм.

— Валерия Флинт? — переспросила я. — Агент Межмирового патруля? Та самая, с которой ты...

— Да, — коротко ответил он, но я заметила, как его щека чуть порозовела. — Это не важно сейчас. Важно то, что здесь написано.

Я подалась вперёд, вглядываясь в голограмму. Руны были старыми, почти стёртыми, но рядом с ними Торвальд вывел перевод на современный драконий:

Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится.

Я перечитала дважды. Трижды. Холодок пробежал по позвоночнику.

— «Адамантий встретит изумруд», — прошептала я. — Это про нас? Про меня и Корвина?

— Похоже на то, — кивнул Торвальд. — Время совпадает. И я не нашёл никаких других упоминаний о пересечении адамантиевой и изумрудной линий за последние несколько веков. Ваши роды никогда не смешивались. А теперь — метка истинности. Это не может быть совпадением.

— Что значит «спящая кровь пробудится»? Какая кровь?

— Я не знаю. Мы с Валерией передали табличку в Межмирье. Их аналитики сейчас работают над полным переводом и поиском параллелей в других источниках. Но, — он помолчал, потирая подбородок, — у меня есть гипотеза.

— Какая?

— Ты когда-нибудь слышала легенду о Первых Драконах?

Я нахмурилась. Что-то смутное шевельнулось в памяти — уроки истории, на которых я скучала и рисовала на полях конспектов.

— Это миф, — сказала я. — Сказки для детей. Будто бы первые драконы были не такими, как мы, — огромными, бессмертными, способными менять реальность силой мысли. Но их время прошло, и их кровь рассеялась.

— Не рассеялась, — возразил Торвальд. — Она осталась в родах. В дремлющем состоянии. И некоторые учёные считают, что она может пробудиться при определённых условиях.

— Например, при союзе двух истинных из родов, которые никогда не смешивались?

— Именно.

Я смотрела на голограмму, и мысли в голове крутились с бешеной скоростью. Это было слишком — слишком большое, слишком важное, слишком невероятное. Если пророчество правда, то мы с Корвином — не просто пара. Мы — ключ к чему-то древнему и могущественному.

— Но что именно пробудится? — спросила я. — Что значит «спящая кровь»?

— У меня есть несколько версий, — Торвальд отключил проектор и убрал его в карман. — Первая: пробудится ваша собственная магия. Ты и Корвин можете стать сильнее, чем любой дракон за последнюю тысячу лет. Ваши драконы могут обрести новые способности — или вспомнить старые.

— Вторая?

— Вторая: «спящая кровь» — это нечто отдельное. Древняя сущность, которая ждала подходящего момента, чтобы вернуться. И ваш союз — сигнал к пробуждению.

— Это звучит... тревожно.

— Я предпочитаю не паниковать раньше времени, — он усмехнулся. — Но есть ещё третья версия. И она, пожалуй, самая интересная.

Он посмотрел на меня, и его взгляд стал серьёзным.

— Ты знаешь, что в Нижних кварталах началась эпидемия магической чумы?

— Да, — кивнула я. — Корвин рассказывал. Он хотел использовать «Слезу», чтобы очистить воду.

— Чума началась примерно в то же время, когда вы встретились. Плюс-минус.

У меня перехватило дыхание.

— Ты думаешь, что чума — это...

— Я думаю, что «спящая кровь» пробуждается не только в вас.

— То есть чума — это наша вина?

— Я не говорю «вина», — Торвальд покачал головой. — Я говорю «последствие». Вы не хотели этого. Но если связь есть, то вы — единственные, кто может это остановить.

Я смотрела на свои руки. На метку, которая пульсировала ровным светом. На «Слезу», лежавшую на подушке. В голове звенело от мыслей.

— Совет знает? — спросила я. — О пророчестве?

— Частично. Табличка зарегистрирована в Межмирье, и информация уже пошла по каналам. Но руны переведены не до конца, и я просил Валерию повременить с официальным докладом, пока мы не разберёмся.

— Почему?

— Потому что если Совет узнает, что вы с Корвином — ключ к пророчеству, они могут... вмешаться. Не все в Совете заинтересованы в том, чтобы «спящая кровь» пробудилась. Рубиновый, например. Он хочет на тебе жениться не просто потому, что ты молода и красива. Ему нужен доступ к тому, что есть в Изумрудном роду.

— Рубиновый знает о пророчестве?

— Я не уверен. Вряд ли информация распространилась так быстро. Но он старше, чем кажется. И у него есть свои источники информации.

Я медленно встала с кровати. Подошла к окну. В саду цвели розы — красные, как капли крови на зелёной траве. Магия поддерживала их даже в это время года, но сейчас они казались мне зловещими. Предвестниками чего-то тёмного.

— Значит, если я останусь здесь и выйду за Рубинового, — медленно произнесла я, — пророчество может не исполниться. Или исполниться не так. А если убегу к Корвину — пробужу «спящую кровь». И мы не знаем, что произойдет и что будет.

— Мы не знаем наверняка. Но я склонен думать, что ваш союз — это решение, а не проблема.

— Почему?

— Потому что пророчество говорит о встрече, а не о разделении. И потому что я знаю, как работает магия крови. Она не разрушает — она восстанавливает равновесие. Рубиновый — это дисбаланс. Ты и Корвин — баланс. Вы должны быть вместе не вопреки всему, а для чего-то.

Я оперлась о подоконник. Руки дрожали.

— Ты pomoжешь мне? — спросила я, не оборачиваясь.

— В чём?

— Я хочу уйти. Сегодня. До того, как приедет Рубиновый. До того, как отец подпишет контракт. Мне нужно добраться до Нижних кварталов и найти Корвина.

Торвальд встал и подошёл ко мне. Встал рядом, глядя в окно.

— Если я помогу тебе, я стану врагом своего рода. И твоего. И Совета.

— Я знаю.

— И всё равно просишь?

— Ты сам сказал — ты не можешь смотреть, как меня продают.

Он долго молчал. Потом повернулся ко мне, взял мою руку и поднёс к свету. Метка ярко вспыхнула от его прикосновения — изумрудный узор на чёрном фоне.

— Я помогу, — сказал он. — Пророчество — не шутка. И если ты и Корвин действительно можете что-то изменить, мы не имеем права мешать.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не благодари пока. — Он отпустил мою руку и отошёл к двери. — У меня есть несколько часов до того, как моё отсутствие заметят. Я схожу в Межмирье, поговорю с Валерией — возможно, она сможет прикрыть тебя через Патруль. А ты пока собирайся. Только самое необходимое. И ради всего святого, надень что-нибудь менее... шёлковое. В Нижних кварталах шёлк не в моде.

— Я знаю.

— И ещё. — Он задержался в дверях. — «Слезу» возьми с собой.

Я кивнула. Торвальд вышел, и дверь закрылась с тихим щелчком.

Я осталась одна. В спальне, которую покидала — я знала это — навсегда. Стояла посреди комнаты, босиком на холодном мраморном полу, и смотрела на фрески с изумрудными драконами. Мои предки. Мой род. Моя клетка.

Но теперь у меня был ключ.

Я быстро собралась. Сменила шёлковый халат на простую тёмную тунику и кожаные штаны — такие носила в те редкие дни, когда отец разрешал мне тренироваться с мечом. Волосы стянула в низкий пучок, спрятала под капюшон. Взяла небольшой мешочек с золотыми монетами — пригодятся. И самое главное — «Слезу», которую завернула в мягкую ткань и спрятала во внутренний карман.

Посмотрела в зеркало. Из отражения на меня смотрела не леди Эстель Изумрудная, не бывшая невеста Кайдана Сапфирового, не товар на продажу. На меня смотрела женщина, которая собиралась украсть собственную жизнь.

— Ну, — сказала я своему отражению, — добро пожаловать в Нижние кварталы.

И улыбнулась. Впервые за три дня.

А где-то далеко, за стенами замка, в сердце города, Совет Тринадцати собирался на экстренное заседание. Говорили, лорд Рубиновый потребовал ускорить подписание брачного контракта. Говорили, чума в Нижних кварталах распространяется с пугающей скоростью. Говорили, межмировые порталы фиксируют странные магические колебания — такие же, какие предшествовали Излому.

Но всё это было там, снаружи. А здесь и сейчас я стояла у окна, сжимая в руках «Слезу», и ждала, когда вернётся Торвальд. Ждала, когда начнётся новая глава.

И ещё я думала о Корвине. О том, как он там, в своей таверне «Хромой василиск». Знает ли он уже о пророчестве? Чувствует ли через метку, что я решилась? Понял ли, что я иду к нему?

— Жди, вор, — прошептала я. — Надеюсь, у тебя найдётся место для ещё одного изгоя.

Метка на запястье вспыхнула ярче — как будто он услышал. Как будто ответил.

За окном занимался новый день. И он был первым днём моей свободы.

Визуалы. Эстель

Эстель

Сдержанная

Более расслабленная

Визуалы. Корвин

Корвин

Сопоставление

Глава 7. Улица Сломанных Фонарей

Глава 7. Улица Сломанных Фонарей

Эстель

Нижние кварталы ударили меня запахом — густой, многослойной волной, от которой у меня, привыкшей к лавандовым простыням и ароматическим свечам, заслезились глаза. Здесь пахло всем одновременно: дешёвым элем из таверн, протухшей рыбой с рыночных лотков, дымом из сотен печных труб, мокрой шерстью, потом, магическими отходами, которые сливали прямо в сточные канавы.

Я стояла на углу улицы Сломанных Фонарей (название было буквальным: три фонаря из четырёх были разбиты, а четвёртый мигал так, будто вот-вот присоединится к коллегам) и пыталась сориентироваться. Торвальд высадил меня у границы кварталов час назад, сунул в руку свёрток с картой и сказал: «Дальше сама. Если я пойду с тобой, меня заметят. Изумрудного дракона в Нижних кварталах видно за милю. А ты... постарайся не светить чешуёй и не говорить с аристократическим выговором. И ради всего святого, не называй никого "любезный"».

Полезный совет. Жаль, что он не рассказал, как выжить в месте, где на меня пялятся так, будто я — ходячий мешок с золотом.

Потому что на меня пялились. Все. Торговка с лотка, продающая какую-то сомнительную снедь, похожую на жареных крыс (молилась всем богам, чтобы это оказались не крысы). Двое мужчин в потёртых кожаных куртках, которые слишком громко замолчали, когда я прошла мимо. Мальчишка лет десяти, который сидел на перевёрнутом ящике и чистил ножом яблоко — нет, не чистил, просто держал нож и смотрел на меня с таким выражением, будто прикидывал, сколько можно выручить за мои сапоги. Сапоги, кстати, были самыми простыми из моего гардероба — без драгоценных камней, без изумрудной вышивки. Но здесь даже они выглядели как королевская мантия.

— Эй, красавица, — голос раздался откуда-то справа. — Заблудилась?

Я повернулась. Из тени дверного проёма вышел мужчина. Высокий, тощий, с лицом, которое можно было бы назвать приятным, если бы не глаза — маленькие, бегающие, оценивающие меня как товар на аукционе. Одет он был в некогда дорогой костюм, теперь изрядно поношенный, но всё ещё сохранявший следы былой элегантности. За ним маячили ещё двое — те самые, что замолчали при моём появлении.

— Нет, — ответила я ледяным тоном, который обычно заставлял советников моего отца бледнеть и извиняться. — Я иду по делу.

— По делу? — он ухмыльнулся. — Какие дела могут быть у такой... чистой... леди в Нижних кварталах? Может, тебя проводить? Здесь опасно ходить одной. Особенно когда темнеет. Особенно когда у тебя такие красивые сапоги. И такая дорогая одежда. И...

— Я ценю твою заботу, — перебила я (Торвальд, прости, «ценю» — это явно не местный лексикон), — но я справлюсь сама.

— О, я не сомневаюсь, что ты справишься, — он шагнул ближе, и теперь я чувствовала запах перегара. — Но всё-таки давай мы тебя проводим. Для твоей же безопасности. А взамен ты... скажем, поделишься тем, что у тебя в кошельке. В качестве благодарности.

Я почувствовала, как внутри просыпается драконица. Чешуя на предплечьях — скрытая рукавами, но всё равно осязаемая — начала нагреваться. Я могла бы обратиться. Прямо здесь. Разнести этот переулочек, этого тощего наглеца, его друзей, все окрестные дома за компанию. Я — изумрудная драконица. Моё пламя способно прожечь камень.

Но Торвальд был прав: если я обращусь, меня вычислят за минуту. И тогда — прощай, побег. Прощай, свобода. Прощай, Корвин, которого я даже не успела найти.

— У меня нет денег, — сказала я, отступая на шаг.

— Врёшь, — он улыбнулся ещё шире, показав гнилые зубы. — У таких, как ты, всегда есть деньги.

Его рука метнулась к моему запястью — туда, где под рукавом пульсировала метка. Я отдернула руку, но недостаточно быстро. Его пальцы сомкнулись на моём предплечье, и в тот же миг я почувствовала, как метка вспыхивает — горячо, яростно, посылая импульс куда-то вовне. Сигнал. Зов.

— Отпусти, — процедила я, и мой голос прозвучал ниже, с драконьими обертонами.

— Ого, — тощий замер, но руку не отпустил. — А ты с характером. Люблю таких. Ребята, держите её.

И тут сверху упала тень.

Я не сразу поняла, что произошло. Просто воздух уплотнился, свистнул — и тощий вдруг отлетел к стене, хрипя и хватаясь за горло. Его друзья бросились было вперёд, но тут же замерли: между ними и мной стоял мужчина. Высокий, жилистый, в чёрной кожаной куртке с десятком карманов, из которых торчали какие-то инструменты — не то воровские отмычки, не то оружие. Его лицо скрывал капюшон, но глаза — светло-серые, почти белые, с вертикальными зрачками — я узнала бы из тысячи.

Корвин.

— Трогаешь женщину без спроса? — поинтересовался он у тощего, который всё ещё сползал по стене. — В моём районе? Серьёзно, Грызун, я думал, ты умнее.

Тощий — Грызун, очевидно, — прохрипел что-то неразборчивое, вперемишку с извинениями и ругательствами. Корвин не слушал. Он повернулся ко мне, и я впервые за три дня увидела его лицо при свете — ну, при том свете, что давал единственный работающий фонарь.

Он был... зол. Нет, не просто зол — в бешенстве. Чешуя на скулах проступила угольно-чёрными пятнами, адамантиевые прожилки пульсировали, и в воздухе вокруг него дрожало марево, как над раскалённым металлом.

— Ты, — сказал он таким тоном, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — Ты что здесь делаешь?

— Пришла к тебе, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты предлагал месяц.

— Я предлагал месяц не здесь! — он резко развернулся к Грызуну и его подельникам, которые пытались незаметно уползти. — Валите. Быстро. И скажите своим друзьям: тот, кто тронет эту женщину, будет иметь дело со мной. Лично. Понятно?

Грызун что-то пискнул, и троица растворилась в темноте переулка быстрее, чем я успела моргнуть. Мы остались вдвоём. Корвин стоял ко мне спиной, тяжело дыша, и я видела, как напряжены его плечи, как чешуя медленно втягивается обратно под кожу.

— Спасибо, — сказала я.

Он развернулся. Его глаза всё ещё горели.

— Спасибо? — переспросил он с такой интонацией, будто я сказала что-то неприличное. — Ты чуть не попала банде Грызуна, которая за последнюю неделю ограбила пятерых, ты стоишь посреди улицы в одежде, которая кричит «ограбьте меня» за милую, ты понятия не имеешь, как работают Нижние кварталы, и всё, что ты можешь сказать — «спасибо»?

— Вообще-то, — я вскинула подбородок, — я ещё хотела сказать, что ты опоздал.

— Что?

— Ты опоздал. Я ждала тебя. Ты обещал, что вернёшься.

Он моргнул. Потом ещё раз. Потом его лицо исказилось в такой смеси ярости и неверия, что я невольно отступила на шаг.

— Я обещал? — он шагнул ко мне, сокращая расстояние. — Я ничего не обещал. Я сказал: «Если через месяц ты захочешь вернуться, я помогу тебе снять метку». Я не говорил, что буду твоим телохранителем, что буду решать твои проблемы!

— Ах, вот как? — мой голос сорвался на крик. — А что мне оставалось делать? Сидеть в замке и ждать, пока Рубиновый подпишет контракт и сделает меня своей собственностью? Ты бросил меня там одну! Ты ушёл!

— Потому что если бы я остался, — он почти рычал, и я видела, как его зрачки вытягиваются ещё сильнее, — я бы сделал то, о чём мы оба пожалели бы. Я дал тебе время подумать. Я дал тебе выбор.

— Какой выбор?! — я ударила его кулаком в грудь, просто... от бессилия. — Ты думаешь, у меня был выбор? Мой отец продаёт меня Рубиновому! Завтра подписывают контракт! Торвальд вообще рассказал мне про пророчество, которое он нашёл с твоей подружкой Флинт! «Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится». Это про нас, Корвин! Про нас!

Он замер. Его чешуя, которая уже почти втянулась, снова проступила на скулах.

— Что? — тихо спросил он. — Какое пророчество?

Я перевела дыхание и пересказала всё, что узнала от Торвальда. Про табличку. Про древние руны. Про «спящую кровь» и версии её пробуждения. Про то, что возможно чума в Нижних кварталах началась из-за нас.

Глава 8. Вердикт

Глава 8. Вердикт

Когда я закончила, Корвин долго молчал. Потом вдруг развернулся и пошёл прочь.

— Идём, — бросил он через плечо.

— Куда?

— В таверну. Здесь не место для разговоров.

«Хромой василиск» оказался именно таким, каким я его представляла по описаниям Корвина: тёмным, прокуренным, с низкими потолками и запахом дешёвого эля, который пропитал стены, кажется, насквозь. В углу кто-то пел — фальшиво, заплетающимся языком. За барной стойкой стоял хозяин — грузный мужчина с лицом, которое можно было бы назвать добродушным, если бы не страшный шрам через всю щёку, — и протирал стаканы засаленным полотенцем. Увидев Корвина, он кивнул, но, заметив меня, удивлённо приподнял бровь.

— Новая подруга, Призрак? — спросил он.

— Не твоё дело, Барни, — отрезал Корвин, поднимаясь по скрипучей лестнице. — И да, она будет жить у меня.

— У тебя? — хором спросили мы с Барни.

— У меня, — он даже не обернулся. — Это не обсуждается.

Его комната была... маленькой. Очень маленькой. После моей спальни в Изумрудном замке она казалась чуланом — хотя, возможно, так и было. Узкая кровать в углу (одна!), покосившийся стол, заваленный бумагами и какими-то механизмами, пара стульев, один из которых явно доживал последние дни, шкаф без одной дверцы, окно, заклеенное старой газетой. И везде — везде! — книги. Стопками на полу, на подоконнике, на шкафу, даже под кроватью. Я успела разглядеть корешки: «Продвинутая магическая криптография», «История Адамантиевого рода» (экземпляр, судя по обложке, краденый), «Целительство для чайников» и что-то на языке, которого я не знала.

— Тут... уютно, — сказала я, потому что нужно было что-то сказать.

— Тут дыра, — ответил Корвин, скидывая куртку. — Но другой нет. Если хочешь — можешь вернуться в замок. Думаю, Рубиновый ещё не подписал контракт.

Он сел на стул (тот, что покрепче) и уставился на меня с выражением, которое я не могла расшифровать. Гнев? Раздражение?

— Итак, — сказал он, — давай проясним ситуацию. Ты сбежала из дома, потому что не хочешь замуж за Рубинового. Ты пришла в Нижние кварталы, где тебя чуть не ограбили — и, кстати, не только ограбили бы, судя по взглядам Грызуна. Твой кузен рассказал тебе про какое-то пророчество, которое, возможно, связано с нами, а возможно, нет. Чума, кото-

рая косит детей в Нижних кварталах, по какой-то причине началась в то же время, когда мы встретились. Но я думаю, что это чушь собачья, ведь я и пришел за "слезой" именно из-за этого. И ты решила, что лучший план действий — это явиться сюда, в эпицентр всего этого безумия, без охраны, без плана, без единого чёртова навыка выживания на улицах. Я всё правильно изложил?

— В целом — да, — я скрестила руки на груди. — Кроме одного.

— Чего же?

— Ты забыл, что это ты вломился в мою спальню и запустил всю эту цепочку событий. Если бы не ты, я бы сейчас сидела в замке, примеряла свадебное платье и считала дни до своей медленной смерти от рук Рубинового. Так что спасибо тебе за метку, за пророчество и за этот бардак. Лучше уж так.

Корвин открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты понятия не имеешь, что такое Нижние кварталы.

— А ты понятия не имеешь, что такое быть разменной монетой в политических играх.

— Я — изгой. Мой род отрёкся от меня. Я сплю в комнате с крысами и краду, чтобы выжить.

— А я — товар, который оценивают, взвешивают и продают. Моя жизнь никогда не была моей. Даже сейчас — эта метка, — я вскинула руку, показывая чёрно-зелёный узор, — она решает за меня. Ты думаешь, я хотела влюбиться в вора, которого видела один раз в жизни?

Он замолчал. Его глаза — светлые, почти белые — смотрели на меня, и я видела, как в них что-то меняется. Медленно. Как будто он только сейчас начал видеть не ледяную принцессу, не избалованную аристократку, а женщину, которая отчаянно цепляется за последний шанс на свободу.

— Ты сказала «влюбиться», — тихо произнёс он.

— Что?

— Ты сказала: «Ты думаешь, я хотела влюбиться в вора». Ты использовала это слово.

Я почувствовала, как краска заливает щёки.

— Я оговорилась.

— Метка не лжёт. — Он вдруг усмехнулся, и его усмешка была такой знакомой — дерзкой, с лёгкой иронией, — что у меня внутри всё перевернулось. — Ты влюбилась в вора, леди Эстель.

— Я тебя ненавижу, — сказала я, но мой голос дрогнул.

— Конечно, — он кивнул с серьёзным лицом. — Именно поэтому ты пришла ко мне, а не осталась в замке.

Я хотела ответить что-то едкое, но не успела. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился сосед-алкоголик — тощий, взлохмаченный, с красными глазами и запахом, который перебивал даже аромат таверны.

— Корвин! — заорал он с порога. — Корвин, там это... опять! На Соляной улице! Трое детей! Магическая чума! Говорят, до утра не дотянут!

Корвин мгновенно подобрался. Вся его поза изменилась — из расслабленного, хоть и раздражённого, он стал собранным, напряжённым, как перед прыжком.

— Трое? — переспросил он. — Одновременно?

— Да! И ещё двое на Мельничной! Им всё хуже! Лекарь сказал — если не найти «Слезу» в ближайшие дни, всех потеряем!

Корвин выругался сквозь зубы и вскочил со стула. Я тоже встала.

— Я иду с тобой, — сказала я.

— Нет.

— У меня «Слеза». Я могу помочь.

Он резко обернулся ко мне. Его глаза сузились.

— Ты взяла «Слезу» с собой?

— Торвальд сказал, что она может пригодиться. — Я достала из внутреннего кармана свёрток и развернула ткань. Изумрудный свет залил убогую комнату, и на лице Корвина отразилось что-то, чего я раньше не видела. Надежда.

— Ладно, — сказал он. — Идём. Но если ты хоть раз меня не послушаешься, хоть раз выкинешь какую-нибудь аристократическую глупость — я отправлю тебя обратно в замок, и плевать на метку. Поняла?

— Поняла, — я спрятала «Слезу» обратно. — Но командир из тебя паршивый.

— А из тебя — уличная девчонка. Будем учиться друг у друга.

Соляная улица оказалась ещё хуже, чем улица Сломанных Фонарей. Здесь не было даже видимости порядка: дома лепились друг к другу, как больные зубы, сточные канавы были забиты мусором, и повсюду — запах. Тот самый болезненный запах, который я почувствовала ещё на входе в Нижние кварталы. Теперь он усилился, стал гуще, и я поняла, что это. Магическая чума.

Мы вошли в дом — точнее, в лачугу, сколоченную из досок и обрывков магической изоляции. Внутри было темно, только пара свечей горела у дальней стены. На куче тряпья, заменявшей постель, лежали трое детей. Девочка лет семи и два мальчика — близнецы, на вид не старше пяти.

Они были бледны как смерть. Их кожа приобрела сероватый оттенок, на щеках проступили тонкие зелёные прожилки — магическая инфекция, проникающая в кровь. Дыхание было слабым, прерывистым, и я видела, как их грудные клетки вздымаются с трудом, будто на них давит невидимый груз.

Рядом с ними сидела женщина — их мать, судя по сходству. Она не плакала. Просто смотрела на детей пустыми, остекленевшими глазами, и это было страшнее любых слёз.

— Когда заболели? — спросил Корвин, опускаясь рядом с девочкой и проверяя её пульс.

— Вчера вечером, — голос матери был безжизненным. — Сначала Лина, потом мальчики. Я думала — простуда. Но к утру они уже не вставали. Лекарь сказал — чума. Сказал — шансов мало.

— Лекарь ошибается, — Корвин повернулся ко мне. — Доставай «Слезу».

Я достала камень. Он пульсировал в моих пальцах, и его свет отражался в глазах матери — слабый, изумрудный, как последняя надежда.

— Что мне делать? — спросила я.

— Не знаю. Я никогда не пользовался «Слезой». Ты — Изумрудная. Она должна тебя слушаться.

Я склонилась над девочкой — Линой. Её лицо было маленьким, осунувшимся, с веснушками на носу. Ресницы дрожали — она была без сознания, но всё ещё боролась. Я положила «Слезу» ей на грудь и закрыла глаза, пытаюсь почувствовать магию камня.

И она отозвалась.

Это было похоже на тёплую волну — не жгучую, как драконье пламя, а мягкую, обволакивающую. «Слеза» запела в моих пальцах, и изумрудный свет потёк из неё в тело девочки. Я видела — не глазами, а каким-то внутренним зрением, — как зелёные прожилки на её щеках начинают отступать. Как серость уходит из кожи. Как дыхание становится глубже, ровнее.

Через минуту Лина открыла глаза.

— Мама? — прошептала она слабым голосом. — Я хочу пить.

Женщина всхлипнула и бросилась к дочери. Я отступила, тяжело дыша. «Слеза» в моих руках всё ещё пульсировала, и я чувствовала, что она потратила лишь малую часть своей силы.

— Давай мальчиков, — сказала я Корвину.

Он кивнул, и в его глазах я увидела что-то новое.

Когда все трое детей открыли глаза и задышали нормально, когда мать упала перед нами на колени и попыталась целовать мне руки (я отдернула их — это было слишком, невыносимо, я не заслуживала), когда мы вышли на улицу, и холодный воздух ударил в лицо, Корвин повернулся ко мне.

— Ты спасла их, — сказал он.

— Это не я. Это «Слеза».

— «Слеза» работает только в руках Изумрудного дракона. Ты знала об этом?

— Нет, — честно ответила я.

Он кивнул.

— Значит, ты остаёшься.

— Что?

— Ты остаёшься, — повторил он. — Здесь. В Нижних кварталах. Со мной. Мы будем лечить детей, пока чума не отступит. А потом разберёмся с пророчеством, с Рубиновым, с Советом и со всем остальным.

— А как же моя свобода?

— Теперь у нас есть общее дело, Эстель. И я не отпущу тебя, пока мы его не закончим.

Я смотрела на него — на его лицо, освещённое светом уличных фонарей (здесь они, по крайней мере, работали), на чешую, едва заметно проступающую на скулах, на глаза, которые больше не были холодными. И понимала: я не хочу уходить. Не через месяц. Может быть, никогда.

— Ладно, вор, — сказала я. — Научи меня выживать в Нижних кварталах.

— Научу, ледяная принцесса. Но сначала — ещё пять домов на Соляной.

И мы пошли дальше, в темноту, навстречу запаху гниющих роз и детским голосам, которые звали на помощь. А где-то далеко, в Совете Тринадцати, лорд Рубиновый подписывал бумаги и улыбался своей холодной, жестокой улыбкой. Он ещё не знал, что его невеста сбежала..

Глава 9. Адамантиевое сердце

Глава 9. Адамантиевое сердце

Корвин

Три дня. Три проклятых дня я не спал, не ел нормально и вздрагивал от каждого шороха, потому что метка на запястье — чёрно-зелёная, пульсирующая, будто второе сердце, — постоянно напоминала о ней.

Я сидел в своей комнате над «Хромым василиском», пялился на карту Нижних кварталов, исчерканную пометками о новых случаях чумы, и пытался сосредоточиться. Получалось паршиво. Потому что каждый раз, когда я закрывал глаза, я видел её лицо. Её глаза — изумрудные, которые вспыхнули, когда появилась метка. Её губы — тонкие, бледные, чуть приоткрытые, когда она прошептала моё имя. Её пальцы на моей щеке — прохладные, дрожащие.

И её голос, когда я уходил: «Корвин, вернись!»

Я не вернулся. Потому что я решил, что благородно отступаю, чтобы не наброситься на неё, как зверь, в её собственной спальне. Что она должна сама решить, чего хочет, без давления метки, без моего дракона, который рычал и рвал поводья, требуя вернуться и сделать её своей.

Идиот. Трижды идиот.

Я ведь чувствовал её через метку. Её боль, её одиночество, её страх. Она плакала по ночам — я знал это так же ясно, как если бы сидел рядом. Она не спала. Она ждала, что я вернусь. Ждала, что я буду настойчивее.

А я не вернулся.

Потому что боялся. Не Рубинового, не Совета, не её отца. Я боялся того, что сделаю, если снова окажусь рядом с ней. Боялся, что моя адамантиевая чешуя не выдержит напора дракона внутри, который требовал: «Моя. Забрать. Защищать. Моя».

Я пытался заглушить его работой. В Нижних кварталах была чума — магическая зараза, которая косила детей с пугающей скоростью. За те три дня, что прошли после моего визита в Изумрудный замок, заболели ещё двадцать три ребёнка. Пятеро умерли. Я метался между лачугами, добывал лекарства, подкупал врачей, угрожал спекулянтам, которые взвинтили цены на противоядия. Но всё это было каплей в море. Без «Слезы Изумруда» мы были бессильны.

А «Слеза» осталась там. У неё. В спальне.

На третью ночь я почти убедил себя, что всё делаю правильно. Она — леди, я — вор. Она — Изумрудная, я — изгой. Метка ошиблась. Так бывает. Наверное.

А потом я почувствовал страх. Её страх. Он ударил через метку, как разряд молнии, и я уронил кружку с элем, которую держал в руке. Страх был острым, холодным, смешанным с отвращением и яростью. Кто-то прикасался к ней. Кто-то чужой. Кто-то, кто не имел права.

Я даже не помню, как выскочил из таверны. Кажется, перепрыгнул через стойку, распугав посетителей. Кажется, Барни что-то крикнул мне вслед. Я не слушал. Я бежал, и метка вела меня, как компас, — туда, где она была, где её страх становился всё громче, всё отчаяннее. Она была близко. Она была здесь.

Улица Сломанных Фонарей. Грызун. Этот тощий ублюдок держал её за руку — за ту самую руку, на которой пульсировала моя метка, — и его гнилые пальцы сжимали её запястье. Я видел это в долю секунды: её напряжённые плечи, её чешую, готовую проступить, её глаза, в которых боролись страх и ярость. И её сдержанность — она сдерживалась, даже сейчас, даже перед лицом опасности, потому что думала о последствиях.

Моя драконица. Моя истинная.

Я приземлился между ними, даже не заметив, как пересёк расстояние. Рука сама схватила Грызуна за горло, впечатала в стену, и я увидел его глаза — маленькие, бегающие, полные ужаса. Он узнал меня. Конечно, узнал. Кто в Нижних кварталах не знает Призрака?

— Трогаешь женщину без спроса? — мой голос прозвучал низко, с драконьими обертонами. — В моём районе? Серьёзно, Грызун, я думал, ты умнее.

Я мог бы убить его. Дракон внутри требовал крови — за то, что он посмел прикоснуться к ней, за то, что напугал её, за то, что его грязные пальцы были на её запястье, где должна быть только моя рука. Но я сдержался. Не здесь. Не при ней. Я не хотел, чтобы она видела меня таким — безжалостным, жестоким. Она и так думала обо мне достаточно плохо.

Я отпустил Грызуна, рывкнул что-то — даже не помню что, — и они исчезли. Растворились в темноте, как крысы, которыми они и были.

И тогда я повернулся к ней.

Она стояла посреди улицы, в своём дурацком тёмном плаще, который кричал «я не отсюда» за милю, и смотрела на меня. Её глаза были широко распахнуты, на щеках — лёгкий румянец, волосы выбились из-под капюшона и падали на плечи. Она была прекрасна. И она была здесь. В Нижних кварталах. Одна. Без охраны. Без малейшего представления о том, как выживать на улицах.

Ярость, которую я подавил в себе минуту назад, вспыхнула с новой силой.

— Ты, — выдохнул я, и мой голос дрожал от гнева. — Ты что здесь делаешь?

— Пришла к тебе, — она вскинула подбородок, и в её глазах мелькнул вызов. — Ты предлагал месяц.

— Я предлагал месяц не здесь!

И понеслось.

Мы орали друг на друга посреди улицы Сломанных Фонарей, и я видел краем глаза, как в окнах зажигаются огни, как любопытные лица прижимаются к стёклам. Плевать. Я не мог остановиться. Она стояла передо мной — живая, настоящая, злая, — и всё, что копилось во мне последние три дня, рвалось наружу.

Она сказала, что я опоздал. Что она ждала. Что я бросил её.

Она не понимала. Совершенно не понимала, чего мне стоило уйти той ночью. Чего мне стоило не вернуться. Чего мне стоило каждую секунду чувствовать её через метку — её одиночество, её боль, её слёзы — и не сорваться, не примчаться обратно, не выбить дверь её спальни и не забрать её с собой.

— Ты бросил меня там одну! — кричала она. — Ты ушёл!

— Потому что если бы я остался, я бы сделал то, о чём мы оба пожалели бы!

И это была правда. Я бы взял её. Прямо там, на шёлковых простынях. Я бы сделал её своей, не думая о последствиях, а потом она бы возненавидела меня. За то, что оказался таким же, как все — как её отец, как Рубиновый, как все мужчины, которые видели в ней товар.

Я не мог этого допустить. Лучше уйти. Лучше дать ей время. Лучше...

— Я дал тебе выбор! — рычал я.

— Какой выбор?! — она ударила меня кулаком в грудь. Без магии, просто от бессилия. — Мой отец продаёт меня Рубиновому! Завтра подписывают контракт!

И тогда она сказала про пророчество.

Спящая кровь. Адамантий и изумруд. Табличка, которую нашёл её кузен вместе с Валерией Флинт. Чума, которая началась в тот же момент, когда появилась метка.

Я стоял, оглушённый, и смотрел на неё. На её лицо, покрасневшее от гнева. На её глаза, в которых стояли слёзы. На её руку, где пульсировала метка — наша метка, — и вдруг понял: это всё по-настоящему. Мы не просто случайная пара. И она пришла ко мне. Не потому что метка заставила. А потому что решила.

— Идём, — сказал я, разворачиваясь. — В таверну. Здесь не место для разговоров.

Я привёл её в «Хромой василиск». В свою комнату — убогую, тесную, с крысами под половицами и запахом дешёвого эля. Она огляделась, и я видел, как она подбирает слова, чтобы не обидеть меня.

— Тут... уютно, — сказала она наконец.

— Тут дыра. Но другой нет. Если хочешь — можешь вернуться в замок.

Я сел на стул и уставился на неё. Она стояла посреди комнаты — прямая, напряжённая, как струна, — и я вдруг осознал, насколько она здесь чужая. Её выдавало всё: осанка, выговор,

то, как она морщилась от запаха, как инстинктивно отдёргивала подол плаща от грязного пола. Она была как изумруд, упавший в навозную кучу. Прекрасный. Неуместный. Хрупкий.

Но она пришла. Ко мне. В эту дыру.

Я начал говорить — жёстко, резко, перечисляя все её ошибки. Что она пришла без плана. Что она чуть не попала банде. Что она понятия не имеет, как выживать в Нижних кварталах. Я думал, она обидится. Думал, она развернётся и уйдёт, хлопнув дверью.

А она ответила.

— Ты забыл, что это ты вломился в мою спальню и запустил всю эту цепочку событий. Если бы не ты, я бы сейчас сидела в замке, примеряла свадебное платье и считала дни до своей медленной смерти от рук Рубинового. Так что спасибо тебе за метку, за пророчество и за этот бардак. Лучше уж так.

Я открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

Она была острая, как осколок стекла. Умная, упрямая, гордая. Она не сломалась — ни в замке, ни здесь, ни передо мной. И я вдруг понял, что восхищаюсь ею. Этой ледяной принцессой, которая сбежала из дома, чтобы стать свободной.

— Ты сказала «влюбиться», — вырвалось у меня.

— Я оговорилась.

— Метка не лжёт. Ты влюбилась в вора, леди Эстель.

— Я тебя ненавижу, — сказала она, но её голос дрогнул.

— Конечно. Именно поэтому ты пришла ко мне.

Я усмехнулся, но внутри что-то перевернулось. Она пришла. Ко мне — вору, изгою, позору своего рода. Потому что... метка. Или нет? Может быть, дело было не только в метке?

Я не успел додумать. Дверь распахнулась, и ввалился Старый Йорик — мой сосед-алкоголик, который, несмотря на свою вечную пьяность, был неплохим источником новостей.

— Корвин! Там опять! На Соляной! Трое детей! До утра не дотянут!

Я мгновенно забыл обо всём. О ссоре, о пророчестве, о том, что Эстель стоит посреди моей комнаты и смотрит на меня расширенными глазами. Чума не ждала. Дети умирали.

— Я иду с тобой, — сказала она.

— Нет.

— У меня «Слеза». Я могу помочь.

Она достала камень. Изумрудный свет залил комнату, и я на мгновение зажмурился. Она взяла его с собой. Самый ценный артефакт Изумрудного рода — и она принесла его в Нижние кварталы. Ради детей. Ради меня.

— Ладно, — сказал я, хотя всё внутри кричало: «Не пускай её туда! Защити! Спрячь!»
— Идём. Но если ты хоть раз меня не послушаешься...

— Поняла. Командир из тебя паршивый.

— А из тебя — уличная девчонка. Будем учиться друг у друга.

Мы пошли на Соляную. И там, в убогой лачуге, при свете двух свечей, я увидел то, чего не ожидал.

Она исцеляла.

«Слеза» пела в её пальцах, и изумрудный свет струился в тела детей — девочки и двух мальчиков-близнецов, — вымывая заразу из их крови. Её лицо было сосредоточенным, спокойным, и она держала камень так, будто делала это тысячу раз. Зелёные прожилки на щеках детей отступали. Дыхание выравнивалось. А потом девочка — Лина — открыла глаза и прошептала: «Мама, я хочу пить».

Мать зарыдала. Я стоял в стороне, смотрел на Эстель и чувствовал, как внутри меня что-то ломается.

Она была не просто ледяной принцессой. Не просто избалованной аристократкой. Она была целительницей своего изумрудного рода. Не всем изумрудным даётся такой дар. И, похоже, она об этом не знала. Она была той, кто мог спасти этих детей — всех детей в Нижних кварталах.

— Ты спасла их, — сказал я, когда мы вышли на улицу.

— Это не я. Это «Слеза».

— «Слеза» работает только в руках Изумрудного дракона.

Она не знала этого. Я видел по её лицу. Она вообще многого не знала — о себе, о своей магии, о том, на что способна. Но я знал - теперь я точно не отпущу её.

— Ты остаёшься, — сказал я. — Здесь. Со мной. Мы будем лечить детей, пока чума не отступит.

— А как же моя свобода?

— Теперь у нас есть общее дело, Эстель. И я не отпущу тебя, пока мы его не закончим.

Она улыбнулась — впервые за всё время, — и её улыбка была как солнце, пробившееся сквозь тучи Нижних кварталов.

— Ладно, вор. Научи меня выживать.

— Научу, ледяная принцесса.

Глава 10. Торвальд

Глава 10. Торвальд

Торвальд Изумрудный

Я стоял перед Советом Тринадцати и чувствовал, как по спине течёт холодный пот.

Это было экстренное заседание — такое, каких не созывали со времён войны с Ксавьером. Все Верховные лорды были здесь: Кайдан Сапфировый с Адэль по правую руку, Нефритовый старейшина, мрачный Рубиновый, мой отец — лорд Изумрудный, — который сверлил меня взглядом с того самого момента, как я вошёл в зал, и все остальные. Даже Лайра Вокс-Меркуриан, новоиспечённая Верховная леди, сидела рядом с Рейнхартом Аметистовым, и её серебристые глаза смотрели на меня с тем особым, цепким вниманием, которое вырабатывается у оперативников Межмирья.

— Лорд Торвальд Изумрудный, — голос Нефритового прозвучал как удар колокола, — вы запросили экстренное слово. Совет слушает.

Я откашлялся. Горло пересохло. То, что я собирался сказать, могло изменить всё — не только судьбу моей кузины, но и судьбу всего драконьего мира.

— Благодарю, лорд Нефритовый. Я попросил слова, потому что у меня есть информация, которая касается всех присутствующих. — Я обвёл взглядом зал. — Информация о природе магической чумы в Нижних кварталах. И о пророчестве, которое было найдено мной и агентом Межмирового патруля Валерией Флинт в руинах храма в Дельте.

По залу пробежал шёпот. Рубиновый подался вперёд, и его глаза — тёмно-красные, как запёкшаяся кровь, — впились в меня.

— Пророчество? — переспросил он. Его голос был низким, скрежещущим, и от него у меня по спине побежали мурашки. — Какое пророчество?

Я достал голографический проектор и активировал его. Над столом Совета развернулось изображение таблички с древними рунами и переводом:

Когда адамантий встретит изумруд, спящая кровь пробудится.

— Эта табличка была найдена в храме, возраст которого оценивается в тысячи лет, — начал я. — Руны написаны на диалекте Арканиса-Прайм, том самом, на котором говорили Первые Драконы. Аналитики Межмирья подтвердили подлинность. И у них есть... дополнение.

Я переключил изображение. Теперь на голограмме отображался второй фрагмент — тот самый, который Валерия обнаружила в архивах Межмирья только сегодня утром. Он был повреждён, но часть текста удалось восстановить:

...ибо Прародитель, заточённый в багряной клети, восстанет, когда двое станут едины, и потребует вместилища. И если вместилище не будет дано, он вырвется и поглотит миры.

В зале повисла мёртвая тишина.

— Что за Прародитель? — спросил Кайдан, наклоняясь вперёд. Его сапфировые глаза холодно блестели. — О ком речь?

Я глубоко вздохнул. Вот оно. Сейчас всё изменится.

— Аналитики Межмирья, работавшие вместе с архивами Нефритовых, — я кивнул в сторону старейшины, который сидел с непроницаемым лицом, — смогли идентифицировать это имя. «Прародитель» — это не метафора. Это реальное существо. Первый Дракон.

— Первый Дракон — миф, — резко бросил Рубиновый. — Детская сказка. Никаких Первых Драконов не существовало.

— Существовал, — спокойно возразил Нефритовый старейшина, и все головы повернулись к нему. — Архивы Нефритовых хранят записи о Прародителе. Его имя было утрачено — или, скорее, стёрто из истории. Но мы знаем, кем он был. Он был первым драконом, из которого вышли все драконьи роды. Его магия была не элементарной, как у нас, а... изначальной. Он мог создавать и разрушать материю силой мысли. Он был источником всей драконьей крови.

— И что с ним случилось? — спросила Лайра, подаваясь вперёд. Её глаза горели серебром.

— Он был заточён, — ответил старейшина. — Тысячу лет назад. Когда драконьи роды разделились и начали враждовать, Прародитель попытался остановить войну, но его сила была слишком велика. Он... вышел из-под контроля. И тогда один из родов взял на себя ответственность запереть его.

— Какой род? — голос Кайдана прозвучал как удар хлыста.

Нефритовый помолчал. Его взгляд медленно переместился на Рубинового.

— Рубиновый род, — произнёс он. — Это ваш род заточил Прародителя. Багряная клеть — это рубиновая магия крови. Ваша магия. И с тех пор вы хранили эту тайну.

Рубиновый медленно поднялся. Его лицо было белым как мел, но глаза горели яростью.

— Это ложь, — прошипел он. — Грязная, ничем не подкреплённая...

— Это правда, — перебил его я. — И вот ещё что. Межмирье зафиксировало магические колебания. Прародитель пробудился. Он ждёт.

— Ждёт чего? — спросила Адэль.

Я переключил голограмму на последний фрагмент перевода:

...и вместилищем станет дитя, рождённое от союза адамантия и изумруда. Новая кровь. Кровь, способная удержать Прародителя. Если вместилище не будет создано до следующего полного цикла лун, Прародитель вырвется, и драконий мир падёт.

В зале воцарился хаос. Лорды повскакивали с мест, крича, перебивая друг друга. Рубиновый что-то рычал, его чешуя — тёмно-красная — проступила на лице и руках. Мой отец смотрел на меня с ужасом, смешанным с яростью. Только Лайра и Рейнхарт сидели спокойно, обмениваясь быстрыми взглядами — они, кажется, уже просчитывали варианты.

— Тихо! — голос Кайдана перекрыл шум. Верховный лорд Сапфирового рода поднялся, и его аура придавила всех к местам. — Мы будем решать это цивилизованно. Лорд Торвальд, продолжайте.

— Спасибо, лорд Кайдан, — я перевёл дыхание. — Выводы аналитиков таковы. Я обещал не выдавать свою кузину, но если выяснились такие подробности я не могу молчать. Между моей кузиной Эстель и Адамантиевым вором пробудилась метка истинности.

Зал загудел с новой силой.

— И это не случайность. Это пророчество. Они — ключ к тому, чтобы либо освободить Прародителя, либо удержать его. «Вместилище» — это их будущий ребёнок. Если у них родится дитя, его кровь — кровь двух древнейших родов, которые никогда не смешивались, — сможет стабилизировать магию Прародителя. Удержать его в клетке. Или, возможно, освободить его контролируемо — этого мы пока не знаем.

— А если ребёнка не будет? — спросила Лайра.

— Тогда Прародитель вырвется. Срок — следующий полный цикл лун. Это примерно десять месяцев по драконьему календарю.

— Десять месяцев, — прошептала Адэль. — Так мало..

— Именно. Пророчество даёт им ровно один срок, чтобы зачать и выносить ребёнка. Если они не успеют... — я развёл руками.

— Где сейчас леди Эстель? — спросил Кайдан.

Я встретился взглядом с отцом Эстель. Он смотрел на меня с таким выражением, будто хотел испепелить на месте.

— Она сбежала, — сказал я.

— Сбежала?! — Рубиновый ударил кулаком по столу так, что каменная столешница треснула. — Моя невеста сбежала?!

— Она не ваша невеста, — холодно произнёс я. — Она — истинная пара Корвина Адамантия. И судя по тому, что я знаю, сейчас она с ним. В Нижних кварталах.

— Значит, мы должны найти её, — Рубиновый обвёл зал горящим взглядом. — Мы должны вернуть её. Запереть. Не допустить, чтобы пророчество...

— Не допустить чего? — перебила Лайра, поднимаясь. Её серебристые глаза сверкали. — Чтобы родился ребёнок, который спасёт мир? Чтобы Прародитель не вырвался и не уничтожил всё? Вы этого хотите, лорд Рубиновый?

— Я хочу защитить драконий мир!

— Или вы хотите, чтобы Прародитель остался в клетки, которую ваш род построил, — тихо сказал Нефритовый, — и которую ваш род использовал как источник силы всё это время?

Повисла тишина. Рубиновый замер. Его лицо было маской — но я видел, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих край стола.

— О чём вы говорите? — спросил Кайдан.

Нефритовый вздохнул.

— Багряная клеть — это не просто тюрьма. Это магический резервуар. Сила Прародителя, запёртая в ней, подпитывала Рубиновый род тысячу лет. Они черпали из неё. Поэтому они так могущественны. Поэтому их магия крови сильнее любой другой. И если Прародитель вырвется — или если его сила будет перенаправлена в ребёнка, — Рубиновый род потеряет этот источник.

— Значит, вы хотите помешать пророчеству не ради спасения мира, — медленно произнёс Рейнхарт, — а ради сохранения своей власти.

Рубиновый выпрямился. Его чешуя всё ещё мерцала на лице, но он взял себя в руки.

— Я хочу, чтобы леди Эстель вернулась, — процедил он. — Она — моя невеста по контракту. Пророчество — это всего лишь слова на старой табличке. Я не позволю какому-то вору и сбежавшей аристократке решать судьбу миров.

— Боюсь, это не вам решать, — сказала Лайра. — Если пророчество правда, то леди Эстель и Корвин — единственные, кто может спасти нас. Мы должны найти их. Но не для того, чтобы запереть. Для того, чтобы защитить.

— Защитить? — Рубиновый рассмеялся скрипучим смехом. — От кого?

— От вас, — ответил я.

Зал снова взорвался криками. Но я уже не слушал. Я смотрел на отца кузины, который сидел с каменным лицом, и думал об Эстель, которая сейчас была где-то в Нижних кварталах, с вором, с «Слезой Изумруда», с меткой на запястье и с судьбой всего драконьего мира, завязанной на её будущем ребёнке.

— Заседание окончено, — объявил Кайдан. — Лорд Торвальд, агент Флинт — вы знаете, где искать леди Эстель?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Тогда найдите её. Быстро. И приведите сюда. Она должна знать, что поставлено на карту.

Я кивнул и вышел из зала. Валерия, стоявшая у дверей всё это время, молча последовала за мной.

— Ты в порядке? — спросила она, когда мы отошли на достаточное расстояние.

— Нет, — честно ответил я. — Моя кузина — ключ к пророчеству. Её истинный — вор. Прародитель пробудился. Рубиновый хочет её запереть. И где-то в Нижних кварталах она...

— Она справится, — перебила Валерия. — Я знаю её недолго, но она из тех, кто выживает. Кроме того, с ней Корвин. А он, при всех своих недостатках, один из лучших оперативников, которых я знаю — пусть и неофициально.

— Давно он работает в межмирье неофициально?

— Ещё с тех времён, как стал изгоем своего рода. Только даже то, что он получает здесь, отдает в низ.

— Нам нужно найти её. Быстро.

— Найдём. У меня есть связи в Нижних кварталах. И я знаю, где искать Призрака.

Мы вышли в ночь. Где-то там, в лабиринте улиц, моя кузина, возможно, ещё не знала, что её судьба — и судьба всего мира — висит на волоске. Но я знал. И я собирался сделать всё, чтобы защитить её.

Даже если для этого придётся пойти против собственного рода.

Даже если для этого придётся пойти против Совета.

Глава 11. Кровь и пепел

Глава 11. Кровь и пепел

Корвин

Когда-то — кажется, в прошлой жизни, — я просыпался в шёлковых простынях. Мои покои в Адамантиевой башне занимали целый этаж: три спальни, две гардеробные, личная ванная с подогревом и видом на горы, кабинет, библиотека, оружейная и малый тренировочный зал. Слуги — двенадцать человек только для меня — бесшумно скользили по коридорам, предугадывая каждое желание. Завтрак подавали на серебряных подносах: фуа-гра, перепелиные яйца, фрукты из Нефритовых садов, вино из Рубиновых погребов — хотя от вина я всегда отказывался, предпочитая воду из горных источников.

Я был наследником. Единственным. Адамантиевый род не разбрасывался детьми — мой отец считал, что один наследник лучше, чем дюжина претендентов на титул. Мать, конечно, хотела больше — она была из Топазового рода, а у них всегда были большие семьи, — но отец настоял на своём. «Одного достаточно, — говорил он. — Одного можно контролировать».

Контролировать. Вот ключевое слово.

Меня контролировали с первого дня. Учителя — лучшие в трёх мирах — обучали меня магии, истории, политике, боевым искусствам, этикету, языкам (я знал семь, включая два мёртвых). Каждое утро начиналось с тренировки: адамантиевая чешуя требовала дисциплины, иначе она могла проступить в самый неподходящий момент. Каждый вечер заканчивался докладом отцу: что выучил, чего достиг, какие ошибки допустил.

Ошибок быть не должно. Никогда.

— Ты — Адамантий, — повторял отец, и его голос, низкий и тяжёлый, как грохот горного обвала, заполнял весь кабинет. — Наш род — сильнейший в Совете. Наша чешуя выдерживает любое пламя. Наша магия — магия абсолютной защиты. Мы не гнёмся. Мы не ломаемся. Мы не проигрываем.

— Да, отец.

— Ты будешь достойным наследником. Ты женишься на дочери влиятельного рода — это укрепит наше положение. Ты займёшь моё место в Совете и продолжишь наше дело.

— Да, отец.

Я повторял это годами. Десятилетиями. Веками. «Да, отец». «Конечно, отец». «Как скажете, отец».

А потом я вырос. И начал задавать вопросы.

Это было моей главной ошибкой — с точки зрения отца. С моей точки зрения, это было единственным, что спасло мою душу.

Первый раз я ослушался его, когда мне было сто пятьдесят. Отец приказал выселить семью арендаторов с земель, которые Адамантиевый род сдавал в Нижних кварталах. Арендаторы задолжали плату за три месяца — сумма была смехотворной по нашим меркам, но достаточной, чтобы разорить их. Я пошёл туда сам. Увидел их: мужчину с больной спиной, женщину с натруженными руками, троих детей, которые спали на полу, потому что кроватей не было. И я заплатил их долг из собственных средств. Молча. Анонимно. Не потому что ждал благодарности, а потому что не мог иначе.

Отец узнал. Был скандал. «Ты подрываешь авторитет рода! Ты показываешь слабость! Они должны знать своё место!»

— Они — люди, — ответил я. — Такие же, как мы.

— Они — не драконы. Они — расходный материал.

Вот тогда я впервые понял, что мы с отцом живём в разных мирах, хотя и дышим одним воздухом.

Второй раз я ослушался его, когда мне было сто восемьдесят. Отец заключил сделку с Ониксовым родом: мы поставляли им адамантиевую руду, они нам — рабов для шахт. Рабов. Я узнал об этом случайно — подслушал разговор в кабинете. И вместо того, чтобы промолчать, как подобало наследнику, я пошёл в архив и скопировал документы. А потом отправил их в Межмировой патруль.

Сделку расторгли. Ониксовые потеряли миллионы. Отец был в ярости, но не мог доказать мою причастность. Однако с того дня он смотрел на меня иначе. Не как на наследника. Как на угрозу.

Третий раз стал последним.

Мне было двести двадцать. Совет обсуждал повышение налогов для Нижних кварталов. Рубиновый — он всегда был главным ястребом в таких вопросах — настаивал на удвоении. «Нижние должны знать своё место, — говорил он, и его красные глаза блестели в полумраке зала. — Если дать им слишком много свободы, они перестанут бояться. А страх — единственное, что держит их в узде».

Я слушал его и чувствовал, как внутри закипает ярость. Я видел Нижние кварталы — не из окна кареты, не из докладов советников. Я ходил туда тайком, одевшись как простой горожанин, и говорил с людьми. Я знал, как они живут. Знал, что налоги и так слишком высоки. Знал, что дети болеют, потому что лекарства стоят дороже еды. Знал, что стариков выбрасывают на улицу, когда они больше не могут работать.

И когда Рубиновый закончил свою речь, я встал.

— Нет, — сказал я.

Тишина в зале была такой, что я слышал, как бьётся моё сердце. Все взгляды обратились ко мне. Отец побелел.

— Лорд Корвин, — голос Нефритового был осторожным, — вы хотите высказаться?

— Да. — Я обвёл взглядом Совет. — Я хочу сказать, что лорд Рубиновый неправ. Повышение налогов не удержит Нижние кварталы в узде — оно разрушит их. Люди там и так едва выживают. Если мы удвоим налоги, начнутся голодные бунты. И тогда нам придётся подавлять их силой. Это не политика. Это преступление.

Рубиновый усмехнулся.

— Вы слишком молоды, лорд Корвин. И слишком сентиментальны.

— А вы слишком стары и слишком жестоки. Ваши методы не работают. Они только плодят ненависть.

— Достаточно! — отец встал, и его аура — тяжёлая, адамантиевая, — придавила меня к месту. — Мой сын не будет позорить этот Совет. Лорд Корвин, вы покинете зал. Немедленно.

— Я не...

— НЕМЕДЛЕННО!

Я вышел. Но перед тем, как двери закрылись за мной, я сказал то, что потом повторяли в кулуарах ещё месяц:

— Мой отец боится запаха настоящей жизни. Потому что вся его жизнь — это гнилой мешок с золотом, который он трясёт перед носом у тех, кто богат. И ему плевать на остальных.

Через неделю меня лишили наследства. Формально — «за недостойное поведение и подрыв авторитета рода». Фактически — за то, что я осмелился иметь своё мнение. Отец вычеркнул меня из родословной книги, запретил появляться в Адамантиевой башне и объявил, что у него больше нет сына.

Мать плакала. Она пришла ко мне ночью, перед тем как покинул башню навсегда. Обняла меня, прижала к себе — она была ниже меня на голову, но в тот момент казалась самой сильной женщиной в мире.

— Твой отец... он не всегда был таким, — прошептала она, глядя меня по волосам. — Когда-то он тоже хотел изменить мир. Но власть... она меняет людей. Он забыл, зачем вступил в Совет. Он помнит только, как удержаться в нём.

— Я не забуду, мама. Обещаю.

— Я знаю. — Она поцеловала меня в лоб.

Так я оказался в Нижних кварталах. Без титула, без наследства, без поддержки рода. С одной лишь адамантиевой чешуёй, парой золотых монет, которые мать сунула мне в карман, и уверенностью, что я поступаю правильно.

Первое время было... трудно. Я не умел готовить — в замке этим занимались слуги. Не умел стирать — слуги. Не умел даже зашивать одежду — слуги, слуги, слуги. Я привык к тому, что еда появляется на столе сама собой, а грязные вещи исчезают и возвращаются чистыми. В Нижних кварталах ничего не появлялось само. Всё нужно было добывать.

Я начал с мелких краж. Не из нужды — из принципа. Первый раз я украл у ростовщика, который содрал с больной женщины последние гроши. Проник в его контору ночью, взломал сейф (адамантиевые когти режут металл как масло) и вернул деньги тем, у кого их отняли. Женщина плакала. Ростовщик подавал жалобу в Совет, но доказательств не было.

Потом я украл у торговца, который продавал просроченные лекарства. Потом — у спекулянта, который взвинтил цены на хлеб во время голода. Потом — у Ониксового барона, который держал подпольный игорный дом и разорял людей до нитки.

И где-то между этими кражами я стал Призраком. Легендой Нижних кварталов. Тем, кого боялись богатые и благословляли бедные. Тем, чьё имя шептали в тёмных переулках с уважением и страхом.

Но быть вором — это одно. Быть полезным — совсем другое. И я нашёл способ.

Всё началось с письма. Через полгода после моего изгнания, когда я уже освоился в «Хромом василиске» и даже подружился с местными, мне пришло сообщение от человека, которого я не ожидал услышать. Лайра Вокс.

Я знал о ней — кто не знал? Девушка из приюта, техномаг-самоучка, единственная выжившая после прорыва Излома, оперативник Межмирового патруля. Она была легендой ещё до того, как узнала, что она дракон. И вот она писала мне — мне, изгою, вору, — с деловым предложением.

«Призрак, — говорилось в письме (она никогда не называла меня Корвином, всегда только по прозвищу, и я ценил это), — мне нужен специалист по проникновениям. Неофициально. Вне протоколов. Дело касается Ксавьера — помнишь такого? У меня есть наводка, но я не могу идти по официальным каналам, потому что в Патруле есть крот. Если ты заинтересован — приходи в таверну "У старого дуба" в следующую среду. Если нет — притворись, что не читал».

Я пришёл. И с того дня стал её тенью — неофициальным агентом, который делал то, что нельзя было делать по протоколу. Проникал туда, куда не могли проникнуть оперативники. Доставал информацию, которую нельзя было достать легально. Прикрывал её спину, когда всё шло к чёрту.

Я был с ней, когда она нашла доказательства предательства в Патруле. Был с ней, когда она собирала фрагменты «Кода». Был с ней, когда Ксавьер активировал ловушку в Арканисе — и если бы не моя адамантиевая чешуя, её бы разорвало на куски.

Она никогда не благодарила меня вслух — Лайра не из тех, кто говорит «спасибо». Но однажды, после особенно тяжёлой операции, она протянула мне кружку с дрянным арканисским пойлом и сказала: «Ты не так безнадёжен, как кажешься, Призрак. Если когда-нибудь захочешь официально вступить в Патруль — я замолвлю слово».

Я отказался. Потому что официальная работа означала бы официальные ограничения. А я привык действовать по своим правилам.

Кроме того, у меня была другая миссия. Нижние кварталы. Люди, которые не могли рассчитывать на помощь Совета или Патруля. Старики, которых вышвыривали на улицу. Семьи, которые работали до седьмого пота и всё равно не могли прокормиться.

Я крал для них. И с каждым разом моя сеть в Нижних кварталах росла. Барни из «Хромого василиска» прикрывал меня. Старый Йорик, несмотря на вечную пьяность, собирал слухи. Торговки с рынка предупреждали о рейдах. Даже некоторые стражники, которым я когда-то помог, закрывали глаза на мои «подвиги». Найти меня было сложно. Нижний квартал огромен, да и не каждый бы сюда из лордов спустился.

Теперь я стоял у окна в своей комнате над «Хромым василиском» и смотрел, как рассвет медленно разгоняет тени Нижних кварталов. Эстель спала на моей кровати — на моей! — укрытая единственным одеялом, которое я смог найти. Её волосы разметались по подушке, лицо было спокойным, и она тихо дышала во сне — впервые за последние дни, как мне казалось, по-настоящему отдыхая.

Мы провели всю ночь на ногах. После Соляной улицы были ещё дома — на Мельничной, на Горшечной, на Тупиковой. «Слеза» работала безотказно, но каждый раз, когда Эстель прикладывала камень к очередному больному ребёнку, я видел, как из неё уходит энергия. Она бледнела, её руки начинали дрожать, чешуя на висках то появлялась, то исчезала. Но она не останавливалась. Ни разу не попросила передышки. Ни разу не сказала «я устала».

Ледяная принцесса. Как бы не так. Она была горячее, чем любой драконий огонь.

Я повернулся к ней и вдруг поймал себя на мысли, что мог бы стоять так вечно. Просто смотреть, как она спит. Слушать её дыхание. Чувствовать через метку её покой — впервые за всё время этот покой был тёплым, умиротворённым, почти счастливым.

Мой дракон внутри мурлыкал. Буквально. Как огромный чешуйчатый кот, который наконец-то нашёл свою пару и теперь не собирался отпускать её ни на шаг.

Я отвернулся к окну, пытаясь взять себя в руки. У нас были дела. Чума не отступала — мы исцелили двенадцать детей за ночь, но на карте, разложенной на столе, всё ещё горели красные точки. Пятьдесят с лишним случаев. И число росло.

Но было что-то ещё, что не давало мне покоя. Что-то, что я заметил ещё прошлой ночью, но не мог сформулировать.

Чума поражала только детей. Не взрослых. Не стариков. Только тех, кто не достиг совершеннолетия. Это было странно — магические эпидемии обычно не были такими избирательными. Если только...

— Ты не спишь, — голос Эстель вырвал меня из раздумий.

Я обернулся. Она сидела на кровати, кутаясь в одеяло, и смотрела на меня сонными глазами.

— Не сплю, — подтвердил я.

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

— Редко. У воров ненормированный график.

Она усмехнулась и потянулась — грациозно, по-кошачьи, — и одеяло соскользнуло с её плеча. Я поспешно отвернулся к окну, но, кажется, недостаточно быстро, потому что она тихо рассмеялась.

— Ты смущаешься, — сказала она. — Адамантиевый вор, легенда Нижних кварталов, смущается при виде женского плеча.

— Я не смущаюсь. Я проявляю уважение.

— Конечно. Именно поэтому ты покраснел.

И тут мой дракон проснулся.

Глава 12. Грань (начало)

Глава 12. Грань

Корвин

И тут мой дракон проснулся.

Не медленно, не лениво, как бывало раньше, когда он ворочался где-то в глубине моей души, приоткрывая один глаз и снова засыпая. Нет. Он ворвался в сознание, как ураган, как лавина, как адамантиевая руда, раскалённая добела. Я почувствовал, как чешуя проступает на предплечьях, как зрачки вытягиваются в вертикальные щели, как воздух вокруг меня начинает дрожать от жара.

И всё из-за неё.

Эстель сидела на моей кровати, закутанная в одеяло, которое сползло с одного плеча. Та самая туника, которую она надела вчера — простая, тёмная, без единого намёка на роскошь, — предательски соскользнула вниз. Лямка. Тонкая, шёлковая, совершенно бесполезная, которая только что решила исход этой битвы — не в мою пользу.

Я увидел её плечо. Полностью. Гладкая кожа, бледная, с едва заметным изумрудным отливом — признак драконьей крови. Изящный изгиб ключицы. И ниже — грудь. Вернее, верхняя часть груди, прикрытая лишь краем туники, которая держалась на честном слове и, кажется, на одной оставшейся лямке.

Мой дракон замер. А потом издал такой рык, что у меня заложило уши.

Моя.

Одно слово. Всего одно. Но оно заполнило всё моё сознание, вытеснило все мысли, все разумные доводы, всю чёртову выдержку, которую я воспитывал в себе почти триста лет.

Моя самка. Моя пара. Взять. Сейчас.

Я попытался взять себя в руки. Попытался напомнить себе, кто я такой. Что я — не зверь. Что она — не просто тело, не просто объект желания. Что она — леди, сбежавшая от насильственного брака, напуганная, уставшая, доверившаяся мне. Что я не имею права набрасываться на неё только потому, что мой дракон рехнулся от вида её плеча и слегка приоткрытой груди.

Но он плевать хотел на мои разумные доводы. И я отвернулся.

Посмотри на неё, — шептал он, и его шёпот был горячее пламени. Посмотри, какая она. Эти изумрудные глаза. Эти губы — приоткрытые, влажные. Эта шея — длинная, изящная, с голубоватой жилкой, которая бьётся в такт её сердцу. Ты же чувствуешь её сердце через метку, правда? Оно бьётся быстрее. Она тоже хочет тебя. Она ждёт.

— Ты смущаешься, — вдруг сказала она, и её голос был как расплавленный мёд, обволакивающий, тёплый, с лёгкой хрипотцой после сна. — Адамантиевый вор, легенда Нижних кварталов, смущается при виде женского плеча.

— Я не смущаюсь, — выдавил я, отворачиваясь к окну. — Я проявляю уважение.

— Конечно. Именно поэтому ты покраснел.

Я не краснел. Я никогда не краснею. Но она была права — моя чешуя на скулах потемнела, и я чувствовал, как по коже разливается жар. Дракон внутри меня рвался наружу, и каждая секунда промедления была для него пыткой.

Я слышал, как она пошевелилась на кровати. Шорох ткани. Скрип старых пружин. Её запах — жасмин, зелёный чай, древесина, — стал гуще, ближе. Она встала? Подошла?

— Ты можешь повернуться, — сказала она, и в её голосе появилась та самая нотка, от которой у меня подкосились колени. Томная. Игривая. Опасная. — Я не кусаюсь.

Я медленно повернулся. И понял, что совершил ошибку.

Потому что за те несколько секунд, что я смотрел в окно, «случайно» сползла и вторая лямка.

Туника держалась теперь на одной груди, едва прикрывая сосок, а вторая грудь — полная, округлая, с бледно-розовым соском, который твердел под моим взглядом, — была обнажена почти полностью. Эстель стояла у кровати, закутанная в одеяло до пояса, и смотрела на меня с выражением, которое я не мог расшифровать. Невинность? Вызов? Любопытство?

— Ой, — сказала она, и её губы изогнулись в лёгкой усмешке. — Какая досада. Лямки сегодня такие ненадёжные.

Мой дракон закричал. Она играет с тобой! Хватай её!

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели. Чешуя на предплечьях пошла волнами, адамантиевые прожилки засияли, и я почувствовал, как когти прорезают кончики пальцев. Я пытался дышать. Пытался думать. Пытался вспомнить хоть одну причину, почему я не должен пересечь эту комнату, схватить её, опрокинуть на кровать и сделать своей.

Причина была. Она была важной. Очень важной. Но я не мог её вспомнить, потому что всё, что я видел — это её грудь, её улыбку, её глаза, которые сейчас сияли изумрудным светом.

— Ты играешь с огнём, — выдохнул я, и мой голос прозвучал как рык.

— Я — дракон, — ответила она, делая шаг ко мне. — Я не боюсь огня.

Одеяло соскользнуло ещё ниже. Я видел теперь изгиб её талии и все мои попытки сохранить контроль летели к чёрту.

Она подошла ближе. Ещё ближе. Её пальцы — прохладные, дрожащие — коснулись моей груди. Там, где билось сердце. Где под рубашкой проступала чешуя. Я замер, не в силах пошевелиться.

— Ты горячий, — прошептала она, и её дыхание коснулось моей шеи. — Как расплавленный металл.

Мои руки сами легли на её талию. Я почувствовал тепло её кожи. Почувствовал, как она вздрагивает от моего прикосновения. Почувствовал, как метка на запястье пульсирует в такт её сердцу — быстрому, очень быстрому.

— Эстель, — выдохнул я, и в этом одном слове было всё: предупреждение, мольба, желание.

— Что? — она смотрела на меня снизу вверх, и в её глазах плясали изумрудные искры. — Ты снова скажешь, что это неправильно? Что ты должен дать мне выбор? Что ты не хочешь делать то, о чём мы оба пожалеем?

— Я...

— Я не пожалею, — перебила она, и её пальцы скользнули выше, к моей шее, к скулам, к чешуе, которая пульсировала под её прикосновениями. — Я не жалела бы тогда, в моей спальне. И сейчас не пожалею. Ты всё твердишь о выборе, Корвин. Так вот мой выбор: я хочу тебя. Сейчас. Здесь. Я хочу, чтобы ты перестал быть благородным идиотом и стал просто моим. Моим мужчиной. Моим драконом. Я хочу тебя.

Моя.

Последняя капля.

Я схватил её. Нежно, не осторожно — так, как требовал дракон. Прижал к себе так, что она ахнула. Её грудь вжалась в мою грудь, и я почувствовал, как сосок — твёрдый, горячий — касается моей кожи. Мои руки сжали её ягодицы, притянули ближе, туда, где моё возбуждение было уже невозможно скрыть. Она застонала — тихо, гортанно, — и этот стон был самым прекрасным звуком, который я когда-либо слышал.

— Ты хоть понимаешь, — прорычал я ей в ухо, — что я сейчас сделаю?

— Надеюсь, ты не будешь больше разговаривать.

Я поцеловал её. Я впился в её губы так, будто от этого зависела моя жизнь. Почувствовал вкус её рта — сладкий, с лёгкой горчинкой, как дорогое вино. Её язык встретился с моим, и она застонала снова. Мои руки скользнули вверх по её спине, запутались в волосах, сжали их, оттянули голову назад, открывая шею. Я целовал её шею — длинную, изящную. Кусал — осторожно, чтобы не оставить следов, но достаточно, чтобы она всхлипнула и прижалась ко мне ещё сильнее.

Мои руки снова нашли её грудь — ту самую, которую я пытался не видеть. Ладонь легла на неё, и я почувствовал, как она идеально помещается в моей руке — полная, упругая, с

твёрдой вершинкой, которая упиралась в мою ладонь. Я сжал её — сначала осторожно, потом сильнее, — и Эстель застонала в голос, запрокидывая голову.

— Да, — прошептала она. — Да, вот так.

Мой большой палец нашёл сосок и погладил его. Она вздрогнула, и я почувствовал, как её колени подгибаются. Я подхватил её, удержал, продолжая ласкать — медленно, круговыми движениями, наслаждаясь каждым её вздохом, каждым стоном, каждым движением бёдер, которые она прижимала ко мне.

— Ты сводишь меня с ума, — прорычал я. — Ты хоть понимаешь, что я сейчас на грани? Что я могу обратиться прямо здесь?

— Обратись, — прошептала она, глядя на меня потемневшими глазами. — Я хочу видеть твоего дракона.

Она хочет. Она сказала «да». Взять. Сейчас. Немедленно.

Мой дракон уже наполовину вырвался наружу. Чешуя покрыла плечи, руки, спину. Когти на пальцах заострились, и я старался не поцарапать её, хотя это было чертовски трудно.

Я толкнул её на кровать. Она упала на спину, одеяло сбилось, туника задралась до бёдер, и я увидел её ноги — длинные, стройные. Она раскинула руки в стороны, подставляясь мне, и её волосы разметались по подушке тёмным водопадом.

— Ты прекрасна, — выдохнул я. — Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

— Иди ко мне.

Я навис над ней, опираясь на локти, чтобы не раздавить. Мои губы нашли её грудь и я поцеловал сосок. Сначала легко, потом жадно, втягивая его в рот и посасывая. Она вскрикнула и выгнулась дугой, и её пальцы вцепились в мои волосы, прижимая мою голову сильнее.

— Да, да, да...

Моя рука поползла вниз. По животу, по бёдрам, к тому месту, где её тело было горячим и влажным. Я коснулся её там — легко, почти невесомо, — и она застонала так громко, что я на мгновение испугался, что нас услышит вся таверна.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Пожалуйста, не останавливайся.

И я не собирался.

Но тут дверь с грохотом распахнулась.

— Корвин!

Глава 12. Грань (окончание)

— Корвин! — заорал знакомый голос. — Корвин, там этот... внизу... изумрудный лорд! Говорит, срочно! И Валерия Флинт с ним! И ещё какая-то баба. Они говорят, что это вопрос жизни и смерти!

Старый Йорик. Трезвый, взлохмаченный, с выпученными глазами. Он замер на пороге, увидел нас — меня, полуобращённого и Эстель, распластанную на кровати с голой грудью, — и его рот открылся, а потом закрылся.

— Ой, — сказал он. — Я, кажется, не вовремя.

Я зарычал. Буквально. Дракон внутри меня, которого толь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.